

16+

ПРОТОЗАНЩИКИ

Исцеление Меди

Сергей Брацио

Сергей Брацио Протозанщики. Исцеление Меди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24865539

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-09761-2

Аннотация

Ад, Рай – «Тот свет». Практически каждого интересует, что там и как. Люди гадают, фантазируют, мечтают, верят. Герой «Протозанщиков» точно знает, что происходит за пределами жизни, ведь именно там он и оказывается после нападения. Эйфория, счастье, любовь – все это есть, но существует и огромное количество проблем, множество неизведанного, предательство, подлость и другие, такие привычные, такие «земные» вещи. Приходится объединяться с «местными», приходится призывать на помощь живых друзей. В результате закручивается история с приключениями, тайнами и... войнами между всеми Мирами! А еще все это вовсе не страшно.

Содержание

Часть I. Бунт против счастья и любви	5
1	5
2	7
3	11
4	21
5	37
Часть II. Прорыв сквозь жуткие завесы	56
1	56
2	61
3	67
4	73
Часть III. Укрытие в тени Вселенной	79
1	79
2	89
3	95
4	101
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Протозанщики. Исцеление Меди

«...согласно Библии, диавол, во-первых, находится в зависимости от Бога и не свободен в своих действиях, во-вторых, он действует только в тех границах, в которых Бог это ему позволяет».

Митрополит Иларион (Алфеев)

Часть I. Бунт против счастья и любви

1

В сотый раз, а может быть и в тысячный, он шел через лесок, разделяющий микрорайоны. Та же дорожка привычно петляла меж корней. Тот же потрескавшийся бетон вспыхивал отполированным годами гравием, отражая желтизну фонарей. Те же странные березы склонялись к прохожим, хвалясь черными стволами.

В сотый раз, а может быть и в тысячный, он задумался над необычностью старых деревьев: вместо привычной белизны с темными черточками-крапинами, стволы темны и иссечены сероватыми шрамами. Только знакомая форма пожелтевших листьев выдавала в громадных растениях березы.

В сотый раз, а может быть и в тысячный, темный лес встретил сыростью и редкой осенней травой, но впервые – вдруг, на тридцать седьмом году жизни – возникло подзабытое чувство страха.

Никогда Алексей не считал себя трусом. Много раз ходил ночью по парку. Ноги привычно топали в сторону дома, в голове проносились бесполезные, что греха таить, ча-

сто нетрезвые мысли, но страх... страха не было никогда.

Предсказуемо оборвалась линия фонарей – впереди неосвещенная часть лесопарка. Черные березы словно растворились в мареве, оставив парить в воздухе едва различимые черточки.

Другой дороги нет.

Приходится нырять в темноту...

Звук топота заставил обернуться.

Первый удар на мгновение вызвал боль.

Вспыхнуло осознание, что тело больше не подчиняется.

Боль, едва появившись, исчезла, растаяла вместе с картиной ночного леса...

Глаза открылись легко. Как в детстве, в утро дня рождения. Словно опять маленький, светловолосый Алешка не мог заснуть накануне, отлеживая бока в ожидании праздника, и вот разгорелся рассвет – пора вставать! Пора бежать поднимать маму – одинокую, всегда чуточку грустную, всю жизнь посвятившую воспитанию единственного сына. Пора радостно носиться по шершавому ковру. Шелестеть конфетами. Трещать заводными подарками!

«Придет же в голову», – улыбнулся Алексей, поднимаясь на ноги. Интуитивно попытался отряхнуть грязь, но красный спортивный костюм совершенно чист. Боли нет. Память в норме. Только странное ощущение вернувшегося детства. Чудно, но не плакать же из-за хорошего настроения!

Вокруг все тот же лес. Вроде бы знакомый... Утро уже полностью владело миром, играясь красноватым солнцем. Березы словно переоделись в классику и красовались черными рубцами на белоснежных стволах. Бесцветная от рождения, бетонная дорожка теперь сверкала цветастыми камнями. Птицы, забыв о времени года, щебетали утру.

Медно-рыжий бельчонок выглянул из-за ствола ели, пуговки глаз сверкнули любопытством, и, ловко орудуя коготками, зверек вознесся к макушке. Даже трава, еще вчера жухлая и пожелтевшая, сейчас выпрямилась и зазеленела

под лучами доброго светила.

«Странно все это!», – пожал плечами Алексей, но продолжил путь, – «Главное домой. Спрятаться, скрыться, отоспаться. Поболтать ни о чем с матерью. Забраться под одеяло. Включить тихую музыку и забыться сном...».

В лесу безлюдно. Ни одного человека на дорожке. Никого на извилистых тропках. Только на детской площадке, попавшейся на пути, сидел низенький, пухлый человечек и лениво ковырялся в песке носком желтого ботинка.

– Привет, – зачем-то поздоровался незнакомец.

– И тебе не болеть, – улыбнулся в ответ Алексей.

– Меня зовут Макс, – представился толстячок, и Алексей разглядел, что мужичку где-то за сорок.

– А меня...

– Лехой? – перебил тот.

– Типа того... Мы, разве, знакомы?

– Знаю Волна, знаю, – произнес толстяк глупую кличку Алексея, назойливо приставшую с детства, – И кто ты, и как сюда попал... знаю.

– А ты кто такой? Чего нужно от меня? – насупил брови Волна.

– Понимаешь ли, Леха... дело в том, что ты... как бы это помягче сказать... ой, как я не люблю этого... – промямлил Макс, и, набравшись смелости, выпалил на одном дыхании, – В общем, ты умер!

– Я... что?! А-а-а, понятно, – отшатнулся Волна, предпо-

лагая, что говорит с умалишенным, – Ну, тогда, я пойду, ладно? Пока!

– Иди, Леха, иди. Домой же собираешься? В свою обшарпанную девятиэтажку?

Алексей не стал отвечать, развернулся и направился в сторону дома. Толстяк ловко шмыгнул между кустами, перепрыгнул канаву, и желтые ботинки зашлепали рядом с Волной. Лес расступился, открывая дорогу: старую знакомую, много раз исхоженную, но неожиданно другую. Вместо асфальта и кривых бордюров, перед глазами лежала брусчатка из широких, чуть буроватых, камней.

– Все еще не веришь? – семенил рядом Макс.

– Отвали!

Волна перешел на бег. Кустарник на обочине замелькал перед взором, зашипел листвой, проносясь мимо. Еще несколько метров и должна показаться школа. Там, за зарослями боярышника, прячется ее трехэтажная, типовая коробка. Сейчас. Вот-вот... но на месте здания раскинулось огромное озеро.

Алексей остановился. Гул в голове, недавно едва уловимый, затрубил в полную силу, застучал в висках болью. Слезы выступили на глазах, размывая синюю гладь водоема.

– Ну, вот, началось, – пробубнил себе под нос Макс.

– Что это? Как же... Наверное, голова повредилась от удара.

– От удара, Волна, все от удара, – сочувственно произнес

толстяк.

– Мне надо домой, – прошептал Алексей.

– Пойдем, я провожу.

– Значит, дом есть? – с надеждой обернулся Волна, – Значит, за тополиным сквером по-прежнему... там?..

– Пошли, сам увидишь.

Вместо тополей шуршали листвой вековые дубы. Вместо девятиэтажки высился кирпичный коттедж. Большой, размашистый, угловатый – именно таким всегда представлялся Волне «его дворец» в подданных мечтах. Бронзовые пики ограды поднимались в небо, доставая кроны деревьев-великанов, а бархатный хмель, рдея осенними трилистниками, оплетал их. Дорожка вбежала в ворота, и они, скрипнув, отворились.

– Красиво...

– О чем мечтал, то и получи! – ухмыльнулся Макс.

– Ты о чем? Кто мечтал? Я... я, что, в Рай?

– Кому Рай, кому не совсем, но в целом, поверь, здесь совсем неплохо.

– Я не пойму...

– Пойдем в дом, я объясню, – объявил толстячок, взбегая по ступеням подъезда.

Макс потянул бронзовые ручки-кольца, и массивные двери распахнулись. Забавно подпрыгивая, Макс направился внутрь, приглашая Алексея за собой. Волна, робко озираясь, вошел следом.

Гостиная началась сразу, не отвлекаясь на глупые прихожие. Зал был забит техникой: акустическая система с громогласными колонками, ЖК-панель с лакированной чернотой

экрана, кондиционер, увлажнитель воздуха и еще куча предметов разного вида и назначения. Современная мебель сверкала вставками нержавеющей стали. Перед телевизором, призывно раскрыв объятия, расположилось шикарное массажное кресло.

Волна с энтузиазмом обследовал окружающее. Взгляд каждый раз вспыхивал радостью, когда очередной предмет попадал в поле зрения, и ощущение счастья, робко зародившись где-то глубоко внутри, начало расти, расширяться.

– Ну, вот, – улыбнулся Макс, – Дело пошло на лад – глазки заблестели! Добро пожаловать в Медь, Алексей!

– Куда? – переспросил Волна.

– В Медь! В Медный Мир! Так мы его называем.

– Макс, а ты кто вообще такой? – вдруг осекся Алексей.

– Я-то? Я гид. Работа у меня такая. Встречаю всяких психов, типа тебя, и объясняю что к чему.

– Так, давай, разъясняй! Что еще за Медь? И где тут что...

Моноotonно, буднично, заученно, Макс рассказал, что Медь – один из Миров, куда попадают почившие. Это Мир – отсев, где решается дальнейшая участь. В зависимости от прошлых деяний, человека отправляют в лучшие Миры или отсылают назад, «в жизнь», наградив определенной судьбой. Для одних Медный Мир насыщен радостью и любовью, для других радость и любовь – недостижимые мечты. Люди долго остаются здесь в ожидании Решения, и само обитание в Меди становится поощрением или наказанием за былое.

Есть еще Серебряный и Золотой Миры, но нахождение в них надо заслужить. «Там еще лучше, чем здесь!» – это почти единственное, что знал гид. Редко люди попадали в Серебро или Золото сразу. Надо провести какое-то время в Меди: проявить себя, заработать право на перемещение, и только тогда оказаться в кейфе Высших Миров. Или вернуться назад... Судьи – существа из Серебряного Мира – определяют время нахождения в Меди и дальнейший маршрут. Они же палачи...

– И сколько это длится? – весело спросил Волна, – Год? Два? Век?

– Столько, сколько понадобится, – расплывчато ответил Макс.

– Не юли! Ты, сколько уже здесь? Когда тебя переместят?

– Я, если по оловянным меркам, не более десяти лет...

– Оловянным?

– Ну, да. Мир, откуда все являются, мы называем Оловом. Оловянный Мир – место, где все жили «до смерти».

– Вы называете?

– Ну... Мы тут не любим точных терминов. В разных местах названия могут быть разными. И Олово, и Медь, Золото, Серебро – все это так, для примера, для лучшего понимания. Принято так называть. В других краях другие названия, другие ценности. Итак, по оловянному летоисчислению я тут около десятка лет, – захихикал толстяк.

– То есть время в разных Мирах разное? Типа, здесь ми-

нута – там год? Или наоборот?.. Как в космосе?

– Не совсем... Это сложный вопрос, ответа на который я точно не знаю – не мое это дело. Для этого есть спецы. Если в общем, то время тут и там – это вообще разные вещи. В Олове время идет, то есть отсчитывает секунды жизни, минуты отведенного бытия. Для каждого это расстояние от рождения до смерти – то есть личное время ограничено, у него есть начало и конец. Здесь у времени нет завершения... наверное. Здесь оно просто констатация интервала существования...

– Что? – захохотал Леха, – «Констатация интервала»? Ты откуда такие фразы берешь?

– Из учебника... – покраснел гид, – Не перебивай. Вот, представь, что ты пробыл тут веков пять, а потом тебя снова вернули в Олово. Было время первого захода с началом и концом, время в Меди с началом и...

– Концом! – заявил Волна, – Здесь время закончилось, чтобы там начаться.

– А вот и нет, не закончилось, а прервалось, ведь когда-то снова сюда. Причем эта пауза только лично для тебя, остальные остаются тут и для них медное время существует. Но, в зависимости от обстоятельств, и соотношение времен может меняться. Находясь здесь, этого не замечаешь, но, говорят, иногда минута к минуте совпадает с Оловянным, а иногда у нас минута прошла, а там уже час. Или год, или еще как... Это очень сложные дела, я их не касаюсь.

– То есть толком ты ничего не знаешь.

– Я ж с этого начал, – ухмыльнулся толстяк.

– Все у тебя как-то странно... Ладно, когда тебя переместят в Золото-Серебро?

– Я не знаю... – развел руками гид, – Это не мне решать.

– Но кого-то же перемещали? Сколько они пробыли до этого?

– Я видел множество казней – это когда уничтожают дезертиров из Олова. Самоубийц, – пояснил Макс, ответив на вопросительный взгляд Волны, – Человеку отвели определенный путь в Оловянном Мире, а он взял и свалил. Хитрый какой! Таких казнят...

– И куда они?

– Говорят, что в никуда.... Совсем в никуда... Нам объясняют, что это самое плохое, что может быть. Нельзя идти наперекор судьбе.

– Значит, все-таки судьба?

– И да, и нет, – гид снова перешел на поучительный тон, – Предопределены основные направления, а детали в руках самого человека. Вот смотри, пример из нашего учебника: за некие прегрешения человека приговаривают к возврату в Олово, к новой жизни с тяжелой судьбой. Он будет, к примеру, нищим. Но один будет писать картины, ставя очередную заплатку на штаны, а другой сопьется ко всем чертям или пойдет грабить. В принципе, у обоих жизнь не сахар, но почувствуй разницу! В следующий приход в Медь, к ним будет разное отношение.

– С этими разобрались. А выше кого-то отправляли?

– Должны... – проямлил гид, – Мне не известно о таких людях, но я и не знаю всех! Здесь же миллиарды и миллиарды людей. Или еще больше. Да и вообще, моя работа встречать – провожают другие.

– Из тех, кого ты встречал, все здесь?

– А я всех помню? Вроде, тут еще, но я недавно прибыл, по местным меркам, а Решение принимается обдуманно. Тут некоторые и десятками веков сидят, ждут. Каждому свое!

– Эх, ничего пока не понимаю, – с улыбкой отмахнулся Волна, – Когда будут рассматривать «мое дело»? Когда будут решать?

– Не переживай, тебе сообщат! В любом случае, это очень долгий процесс: ты должен почувствовать возможную эйфорию, ты должен понять, чего можешь лишиться, ты должен получить шанс заработать прощение...

– Работать? – удивился Алексей.

– Конечно! А ты думал, что на пенсию вышел?

Разговор продолжался несколько часов. Каждый ответ гида порождал все новые и новые вопросы, и Макс добросовестно расписывал прелести местного бытия. Алексей долго не мог понять, как миллиарды людей не мешают друг другу. Гид объяснил не особо вразумительно, мол, Медный Мир так устроен – все существуют параллельно, пересекаясь лишь по собственному желанию.

– Это еще как?

– Ну... Тут нет привычного по Олову понятия пространства. Тут их, как бы множество. Все поделено на три части: место, где оказываешь сразу после смерти. Оно у каждого свое и похоже на ту местность, где ты умер. Мы называем его Предбанник или Преддверие.

– Лес! У меня был лес!

– Точно. У тебя лес, у меня больница. Далее, есть место, где ты существуешь, никому не мешая. Для тебя это коттедж, для другого замок, дворец, пещера или юрта – то, о чем мечтал в Олове. Мы говорим просто – Дом. Вы не встречаетесь, не мешаете друг другу. Присутствовать в Доме может только хозяин и те, кого он пожелает видеть.

– Я желаю тебя видеть? – съехидничал Алексей.

– Ты еще не адаптирован. Не умничай. У каждого поселения есть своя Площадь – место, где люди могут находиться все и сразу. Там есть харчевни, всякие административные и развлекательные здания. Все площади соединены между собой дорогами – это как в Олове, ходи себе свободно, броди от одной к другой.

– Пошли на Площадь! – вскочил на ноги Волна, желая действий и потех.

Люди, толпа, тусовка. Это было понятно Алексею куда больше, чем невнятные рассуждения о времени и пространстве, в которых сам гид разбирался гораздо меньше, чем пытался показать.

– Подожди ты, – засмеялся Макс, – Не все сразу. Медь не

сельский клуб, а сложный, интересный Мир. Например, кого ты можешь встретить, знаешь? То-то же. Слушай, тут имеет место географическая привязка. На ближайшей Площади собираются люди, прибывшие с области, где сейчас Зеленоград и окрестности. На соседних – ближайшие районы. И так далее. Таких площадей – не счесть!

– А религии не важны? Кем я был... или считал себя?

– Все важно! Каждая деталь. Но это... не моя тема – тебе позже объяснят. Скажу лишь, что деяния твои первичны. За хорошее – хорошее, за плохое – плохое. Я лично формулирую основной принцип так: «Не будь козлом, и тебе это зачтется!». Если придерживался его при жизни...

– Как-то быдловато звучит, не находишь?

– Ага... Сказал парень в красном тренировочном костюме! – обиделся автор сентенции.

– Ну, типа того... Кстати, а мне теперь всегда в этом костюме ходить?

– А ты бы что хотел? Белую хламиду, арфу и на облачко? – расхохотался толстяк. – Шучу-шучу. В шкафах потом посмотри, может что и найдешь.

Алексей посмотрел на телевизор. Чудо техники не давало покоя с первой минуты. Зачем? Что показывает? «Рай-ТВ»? «Светские новости ада»? Гид ухмыльнулся и объяснил, что это средство связи – одностороннее общение с Оловянным Миром. Способ увидеть оставшихся там.

Многое проводит информацию: личные вещи, предметы

обихода, но лучший способ «увидеть Олово» – фотографии и портреты; через них поступает четкий сигнал, напрямую связанный с человеком. Сам приемник выглядит по-разному: у кого-то это телевизор, у другого книга, кто-то смотрит через картину или даже камень. Информатор имеет привычный, удобный вид.

Волна смело нажал кнопку на медном пульте. Экран загорелся, проявилась неподвижная фигура. Через мгновение картинка ожила, и из колонок, сначала тихо, но все более разрастаясь, донеслись рыдания...

Знакомая комната в квартире Алексея. Старый шершавый ковер, диван и... мама! Грустная, внезапно постаревшая, но такая любимая. Знакомые руки бережно вытирают несуществующую пыль с фото сына; кусочек черного хлеба осторожно поправляется на стеклянной стопке; обожаемые, дорогие глаза, обрамленные паутиной морщин, изливают ручьи материнского горя.

Счастье мгновенно покинуло Алексея! Горечь пронзила горло, и слезы подкатили к глазам. Обида – безадресная, необъяснимая обида – накрыла целиком, погружая в тошнотворную, невыносимую боль.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – громко вскрикнул Алексей, – Пожалуйста, сделайте так, чтобы мама успокоилась!

– Не проси, – тихо перебил Макс, положив руку на плечо Волны, – Это невозможно. Ничто не может унять материн-

ского горя от потери ребенка. Нет такой силы, кроме времени...

– Но я же... но мне же... хорошо тут! Что же делать?

– Терпеть. Другого выхода нет. Всегда будет становиться плохо, когда по тебе плачут.

– Всегда? Всю вечность терпеть такой кошмар?

– Вечность? Считаешь, по тебе всегда плакать будут? – ухмыльнулся гид, – И не надейся! Все пройдет...

Бесцеремонное солнце вторглось в маленькую комнату. Рустам желал продолжить сон: отбивался от света одеялом, накрывался подушкой, но светило настырно лезло на кровать, вытаскивая из забвения. «Что мешало вечером задернуть шторы?» – злился на себя молодой мужчина. Пришлось выползать из сладкой дремы. Выныривать в страшную действительность.

А здесь, в реальности, беда. Горе! Сегодня хоронят лучшего друга Рустама – Алексея. Бесшабашного, веселого, никогда не взрослеющего Волну, убитого неизвестными отмороженками.

С раннего детства дружила компания. Худощавый Алексей, с вечной улыбкой и «талантом влезать в неприятности». Скуластый Рустам – невысокий, задумчивый, излишне осторожный и склонный всегда доискиваться потаенных смыслов. Третий товарищ – умный, бездумно смелый и решительный, светловолосый Антип. Антип – ненастоящее имя, это прозвище, сокращение от «Анти-поэт»: парень с детства сочинял пошлые стишки, рифмуя то, что рифмовать бы ни стоило. Обожал пословицы, но никогда не мог запомнить их до конца, поэтому часто заканчивал, а зачастую и начинал фразы отсебятиной. Получалось глупо, но весело.

Детские приключения заводили друзей то на стройку, то в

чащу далекого леса, то в холод и мрак непролазных болот. Из неприятностей выбирались сообща, невзгоды преодолевали легко, пока не пришло время повзрослеть...

Девяностые занесли Антипа в криминальную среду. В образованной им группировке, поэтично прозванной Роем, Рустам и Волна не прижились. Товарищи отделились, видится стали редко. Прервалась и дружба Алексея с Рустамом – попытки семейной жизни на время разнесли по «ячейкам общества». Поиски домашнего счастья не увенчались успехом, и два тридцатипятилетних лба снова оказались во дворе на лавочке в компании пива и друг друга.

Позже и разбогатевший Антип стал находить минутки и спускаться во двор к друзьям детства. Снова смех, снова радостные воспоминания, снова сладкое ничегонеделание!

Удар отморозков разрушил все. Волна погиб. Глупая смерть, не имеющая объяснений, разорвала душевное трио. Антип напряг силы Роя для поиска подонков, но следов найти не удалось. «Беспредел!» – поставили диагноз «спецы», и розыски прекратились.

И вот, похороны... Антип на прощание не пришел. Не стал придумывать объяснений, просто заперся дома, выключил телефоны и залил горе убойной дозой коньяка.

Рустам в молчании брел за процессией. Плач родни больно отзывался в сердце, а монотонное отпевание обволакивало сознание пеленой. Несколько мгновений, и жирная глина образовала свежий холм, навсегда скрыв Волну от взглядов и

надежд. Металлический крест легко вошел в почву, словно ставя точку во всей этой страшной истории.

Происходящее казалось Рустаму фальшью. Странные птицы пели странные песни, странные голоса верещали о горе... странные видения возникли на могиле, окончательно превращая реальность в бред! Блестящие буквы, вдруг, заплясали на могиле, складываясь в единственное слово, но никто ничего не замечал. Только Рустам видел символы, и сквозь слезы смог прочесть их. Нервы сдали, и парень убежал с кладбища.

– Полегчало, – вздохнул Волна, снова ощущая прилив радости.

– Отпели! – кивнул Макс.

– Итак, продолжим? Значит, есть четыре Мира: Олово, Медь, Серебро и Золото. Оловянный Мир – это первая жизнь, Медный – отсев, где должна решаться дальнейшая участь, только почему-то не особо решается. Серебро и Золото – высшие Миры, где еще лучше, чем здесь, но точно ты не знаешь, хотя и гид. Правильно?

– Из твоих уст звучит как-то по-дурацки.

– Я в чем-то ошибся?

– Во-первых, кроме Олова, Меди, Серебра и Золота есть еще место обитания Высших сил. Мы называем его «Олимпом».

– Там живет... Бог?

– Как тебе сказать...

– Дай-ка угадаю, об «Олимпе» ты знаешь еще меньше, чем о Золоте с Серебром. Так?

– Типа того, – передразнил Волну гид.

– Все с тобой понятно. Пошли на Площадь?

До калитки – выхода к ближайшей Площади – лежала мощеная дорожка, укутанная тенью дубов. Под аккомпанемент кузнечиков, под шуршание листвы и пение птиц, добрались до места, но то, что издали казалось калиткой, растаяло в воздухе. На ее месте оказалась другая преграда – высокое запотевшее стекло. Оно стояло на земле, ловко вписавшись в проем забора и уходило ввысь, теряясь в облаках. Алексей вопросительно оглянулся на гида.

– Это граница между частным и общественным, – ухмыльнулся Макс, – Здесь перестает действовать твоя воля – «кого хочу – пускаю, что хочу – делаю» – и начинает работать воля коллективная, общая, направленная на интерес большинства. Просто иди, как будто никакой преграды нет, – и толстяк первым прошел сквозь стекло.

Волна медлил. Прохлада стекла вызвала желание прикоснуться, ощутить свежесть, испытать некое земное чувство. «Оловянное» – поправил сам себя Алексей. Рука осторожно вытянулась вперед, но пальцы прошли преграду насквозь, не оставляя следа. Волна одернул кисть.

– Ты чего тормозишь? – из стекла появилась голова гида.

– Хочется потрогать, – Волна снова вытянул руку.

– Сейчас-то, – засмеялся Макс, наблюдая, как пальцы Алексея протыкают преграду, – Это, Леха, невозможно. Переход для того и нужен, чтобы через него переходить, а не лапать пальцами.

– Уверен?

Волна попытался еще раз. Кисть снова выдвинулась вперед, но теперь Алексей не старался коснуться запотевшей преграды, а держал руку на расстоянии. Застыв в миллиметре от стекла, палец, испарив теплом прохладу, оставил четко различимый след. Осторожно перемещаясь, Волна вывел слово: «Привет».

– Ничего себе! – взвизгнул Макс, – Вот это да! Да как же так?

– Очень просто. Попробуй сам. Не надо прикасаться, надо лишь...

– Думаешь, я не пробовал?! Думаешь, миллионы людей не пробовали? Ни у кого не получалось.

– А у меня получилось! Ну что, идем на Площадь? – и Волна смело шагнул сквозь преграду.

Дорожка превратилась в тропинку, обрамленную фруктовыми деревьями. Отливающие медью персики и абрикосы предлагали себя, нависая над головой шершавыми плодами. Гомон маленьких птиц звучал гармоничным хором. Через несколько метров деревца расступились, открыв большую, шумную площадь с низкими зданиями по периметру.

Раздались сотни голосов. Смех и болтовня множества лю-

дей, толпящихся на буроватых булыжниках средневековой мостовой. Они стояли группами у зданий из замшелого камня, они приветствовали друг друга громкими окриками, повсеместно сверкали искренние, счастливые улыбки. Одеты все по-разному. «Соответственно времени ухода из Олова», – пояснил Макс.

Влюбленные парочки – почему-то Волна сразу понял, что эти люди влюблены – стояли, держась за руки, а по Площади, соблюдая внушительную дистанцию, шмыгали деловые одиночки.

Счастливые улыбки подняли и без того отличное настроение. Радость, написанная на лицах, вызвала белую зависть, появилось желание самому испытать столь приятное чувство, найти пару.

– Кругом любовь, – тихо произнес Алексей, – Как чудесно!

– Хочешь любви? – ухмыльнулся гид.

– Типа того...

– Это просто. Надо найти одинокую женщину...

– И?

– И сделать вот так!

Макс толкнул Волну в сторону проходящей девушки, и, едва сохранив равновесие, Алексей оказался в объятиях брюнетки. Шелковистые волосы прядями закрывали ей плечи. Темные, почти черные глаза, обрамлялись густыми ресницами. Руки, по локоть выглядывающие из рукавов кофты,

казались белоснежными.

«Это она!» – пронзила Алексея догадка. Она! Та, которую он искал всю жизнь. Та, которая, наконец, сможет подарить ему счастье. Вот это Мир! Вот это радость! Вот это любовь! С первого взгляда, с первого раза, с первого выстрела. Он готов был взлететь, парить над Площадью громко выкрикивая имя любимой. Имя... которого он еще не знает. Какая разница! Как бы ни звали красавицу – все одно. Это лучшее имя во всех Мирах!

– Вы... Вы так прекрасны, – промямлил Алексей.

– Что? – резко и холодно ответила девушка, – Ты кто? Новенький, что ли? Где твой гид?

– Я... я не знаю... он... где-то там... вон он.

– Макс? – со злобой произнесла красавица, – Вот приду-рок!

Резкий удар в грудь отослал Волну в объятия хохочущего толстяка. Багровый от смеха гид поймал Алексея, и, с трудом удержав на ногах, похлопал по плечу. Незнакомка юркнула в дверь одного из зданий, одарив напоследок презрительным взглядом.

– Что это было? – отряхнулся Волна, разгоняя наваждение.

– Это была любовь, – сквозь смех выдавил гид, – Любовь, Леха, любовь!

– Фигня это какая-то была! – начал злиться Алексей.

– Но-но! Полегче! – уже серьезно заявил Макс, – Говорю

же тебе – любовь. Если бы баба нормальная была, возникло бы взаимное чувство.

– А эта кто?

– А эта – лишенка. Ее за излишнюю... скажем так, любвеобильность в Олове лишили права испытывать чувства. Наказание такое.

– Ты откуда знаешь?

– Знаю... Она моя бывшая жена, – скомкал ответ гид, – В общем, стоит подойти к достойной девушке и взаимное чувство вспыхивает моментально.

– Жена? – переспросил Волна, но решил не развивать досадную для собеседника тему, – Я подойду к девушке, мы тут же влюбимся. Потом подойду к другой – снова любовь?

– Ты от первой уйди сначала!

– А если я за пивом схожу, а в это время кто-то придет в гости, то моя женщина влюбится в него. А я по боку?

– Пиво... какая пошлость. И как к тебе придут без твоего приглашения?

– А если мы на Площади? Если вокруг много людей?

– Поэтому и держатся за руки...

– Слушай, это какая-то ерунда, честное слово! Насилие это, а не любовь. Я так не согласен. Мне такого не надо.

– Есть и те, кто не согласен – они живут в одиночестве. А вот кричать не стоит – услышит стража, мало не покажется.

– НЕ ЛЮБЫ – ЛЮБОСЛАСТИЕ!¹ – прорычал над ухом

¹ Не любовь – сластолюбие, плотские утехы (старорус.)

тяжелый бас.

Волна резко обернулся, и взгляд уперся в белую косоворотку на богатырской груди. Рубаха спускалась до колен и оканчивалась широкой каймой узора. Холщевые штаны заправлены в красные, сафьяновые сапоги. Высокому Алексею понадобилось задрать голову, чтобы увидеть массивный подбородок великана, а чтобы разглядеть лицо, пришлось отойти на шаг. Низенький Макс и вовсе стал казаться малышом, переминающимся с ноги на ногу где-то далеко-далеко внизу.

– Познакомься Алексей, это Ждан, – пискнул у земли гид, – Ждан здесь старейшина. Много веков, если по Оловянному, ждет перемещения.

– И все никак? – с интересом спросил Волна.

Ждан ответил. Слова потекли, но смысл потерялся в неясном наречии. Некоторые слова казались Алексею знакомыми, но в итоге они не сложились в понятные фразы. Волна вопросительно перевел взгляд на Макса.

– Извини, все время забываю, как изменился язык, – пробыл Ждан, укладывая огромную ладонь Алексею на плечо, – Чтобы понять друг друга, достаточно прикоснуться.

– И никакие языки учить не надо?

– Ни к чему. Здесь и так все друг друга понимают. Главное дотронуться.

– Что он говорит? О чем вы там? – извелся любопытный Макс, но собеседники игнорировали гида.

– Так почему Вас не перемещают? – повторил вопрос Вол-

на.

– Я не знаю. Говорят... много чего говорят, но я уже не верю.

– Признаюсь, и мне не все понятно. Должны перемещать – не перемещают. То, что называют любовью – просто бред какой-то...

– Ты уж не кричи, а то услышат, – оглянулся Ждан, – Проблем не оберешься. Кое-куда все же перемещают, вот, только не надо туда никому. Сейчас будет казнь, сам увидишь.

– Казнь?

– Перемещение дезертиров в Ничто.

– Ах, да, Макс рассказывал. А кто перемещает?

– Плохой у тебя гид. Ничего толком не пояснил. Слушай же, порядок в Меди поддерживают стражники из Серебра. Их набирают из людей достойных кейфа того Мира. В идеале, это высокодуховные, праведные души. В реальности... но об этом потом. В своем Мире, как говорят, они имеют обычный, человеческий облик. Когда попадают к нам, в Медь, становятся полупрозрачными с налетом серебра. В Олове же и вовсе превращаются в едва различимые тени.

Начальники у них судьи и палачи в одном лице. Они и перемещают самоубийц. Эти никогда людьми не были – рождены своим Миром. Они же должны принимать решение и исполнять его по каждому человеку: назад в Олово, выше в Серебро или Золото или же... в Ничто! Но, как ты понял, кроме последнего, других перемещений мы не видим. Мо-

жет и не заслужил никто. Из такого уймища людей...

– А Золото, Серебро? Про них ты что знаешь?

– Как-нибудь потом расскажу. Сейчас казнь начнется. Если ты такой любопытный и радости Меди тебе недостаточно, то помоги мне кое-что выяснить.

– Что? – испуганно спросил Волна.

– Не бойся. Ничего страшного. Хочу лишь подтвердить одну догадку. Все, что надо – запомнить лицо того, кого сегодня казнят. А то я себе уже не верю... Сможешь?

– Типа того.

Едва заметная пелена закрыла солнце. Оно не исчезло совсем, но свечение притупилось, покрылось белесым маревом. Стало прохладно. Смолкли птицы. Даже деревья затаились, перестав перешептываться листвой. Радость, еще недавно наполнявшая Алексея, отступила, и накатил страх. Напало уныние.

На Площади появились темные фигуры, и люди почти-тельно расступились. Непроглядные клобуки закрывали головы прищельцам, и лишь безбородые, полупрозрачные, отдающие стальным блеском подбородки выглядывали наружу. Удлиненные, чуть выше колен, кафтаны из темно-серебристой материи застегнуты на все пуговицы. Того же цвета штаны заправлены в высокие, блестящие лаком сапоги.

– Стража, – зашептали вокруг.

Стражники вошли двумя колоннами. Оттеснив людей, образовали проход и выстроились в центре ровным кругом.

Брусчатка Площади вздрогнула под ногами, и камни задвигались, поднимая зрителей. Волна почти не заметил перемещения, но через мгновение вместе с остальными зрителями оказался приподнятым над кругом сцены. Образовался амфитеатр.

В проходе, между рядами призрачной охраны, появились еще двое стражников, волоча извивающегося человека. Замыкала шествие высокая, грозная фигура. «Палач!» – догадался Алексей.

Тело палача покрывала длинная мантия цвета воронова крыла. Рукава и полы свободно развивались на ветру, но там, где пролетал край одежды, оставался дымчатый след, тут же исчезающий в воздухе. Из-за этого казалось, что границы тела постоянно меняются, создавая тягостный, гипнотизирующий вид.

Над мантией возвышалась безволосая, вполне себе человеческая, голова. Кожа чуть отливала сталью. Зрители смолкли, и в полной тишине слышны были шаги – это палач шел в центр круга. Осужденный затих, обреченно опустив голову.

– Прими же Мир рождение Справедливости!

Узри, народ, заслуженную казнь! – громогласно объявил палач.

– Он, что, стихи читает? – пробурчал Алексей.

– Палачи так разговаривают, – шепотом ответил Макс, – Молчи!

Обреченный, стоя на коленях, обвел взглядом толпу. По лицу, обезображенному выпуклым, красным шрамом, побежали слезы, и грудь задрожала от рыдания. Он с мольбой воззрился на палача, но в грозном взоре экзекутора не нашлось ни капли сострадания.

– За бегство от начертанного свыше!

За дезертирство от намеченной судьбы!

Покинь же счастья Мир, уйди в потоке боли!

Исчезни в пропасти страданий навсегда!

– Хоть бы в рифму, что ли, говорил! – продолжил бурчать Волна.

– Тш-ш, тихо! – раздался со всех сторон предостерегающий шепот.

– Средневековье какое-то, – произнес себе под нос Алексей.

Из дымчатого рукава палача появилась серебристая длань. Рука опустилась на голову несчастного, и крик боли полетел над притихшей Площадью. Тело осужденного вздрогнуло, словно пронзенное электричеством, глаза закатились, на губах выступила белесая пена, и жертва рухнула под ноги палачу.

Стражники подхватили казненного, подняли над головами, и его силуэт начал таять, пока не исчез полностью. Осталась только одежда, которую стражники отбросили в сторону. От взора палача тряпье вспыхнуло, моментально сгорело, и грязные лохмотья пепла разлетелись над Площадью.

Брусчатка заколыхалась под ногами, возвращаясь в прежнее состояние. Палач, дымя мантией, покинул судилище, подчиненные торопливо ушли следом. Солнце вспыхнуло радостным светом, и, развеивая уныние, ощущение счастья снова ворвалось в Алексея.

– Быстро! За мной! – скомандовал Ждан, больно вцепившись в плечо Волны.

Народ гудел, обсуждая казнь, но богатырь распахивал людей, протискиваясь к краю Площади. Алексей не отставал. На заднем дворе харчевни, за рядом отполированных временно деревянных столов, они заметили стражников. Три полупрозрачные фигуры держали на руках чье-то обмякшее тело. Укрытые от взглядов каменной стеной, они одевали его в форменный кафтан. На голову быстро натянули клобук, скрыв лицо.

– Стой здесь. Прячься. Смотри внимательно! – распорядился Ждан и, отпустив руку Волны, шагнул в сторону стражи.

– Здесь нельзззя находитьсся, – по-змеиному зашипела стража из-под клобуков, – Уххходи!

– Благоволите... – изобразил испуг Ждан.

С наигранным страхом богатырь шархался из стороны в сторону, словно выбирая путь к отступлению. Столкнулся со стеной, со стражниками, наконец, поскользнулся и всей массой полетел на землю. В поисках опоры, рука сдернула клобук с бесчувственного охранника, и из-за угла Алексей раз-

глядел лицо с выпуклым, красным шрамом.

– Вон отсссссссюда! Быссссстро! – закричали стражники.

Ждан поднялся на ноги и убежал прочь.

– Видел? – уже на Площади спросил он Волну, – Это он?

– Если ты о том, кого только что казнили, то, да, это он был в форме стражника.

– Понимаешь?

– Нет!

– Да, что тут не понятного, – тряс Ждан Алексея, – Он должен был сгинуть, исчезнуть в пучине страданий, а он стал стражником! Стражником, понимаешь?

– Вы привлекаете внимание! – раздался над ухом тихий, но отчетливый голос, – Надо уходить. Где можно поговорить?

– Давайте у меня? – робко предложил Волна, рассматривая статного офицера в форме русской армии начала XX века, державшего его и Ждана за локти.

Перед уходом Алексей еще раз взглянул на Площадь. Толпа ожила, скинула оцепенение недавней казни и задвигалась, загудела. Парочки неторопливо расходились по домам, вцепившись друг в друга. Одиночки быстрыми шагами двигались по брусчатке или рассаживались за столы харчевни.

Неподалеку, от толпы отделилась девушка. Белоснежные волосы собраны в косу, небесно-голубые глаза искрятся задором, а легкая смуглость кожи, на фоне светлых локонов, кажется прелестным загаром. Сердце Алексея снова вздрог-

нуло. Симпатия вспыхнула, но на этот раз спокойно, без безумного восторга. Расстояние до красавицы не вписывалось в «условия любви», рассказанные гидом, но, тем не менее, блондинка нравилась.

Из множества людей вокруг, именно она привлекла внимание. Почему? Алексей задумался. Что больше интересует: девушка или несоответствие условиям? «Ерунда какая-то лезет в голову», – подумал он, – «Зачем мне...».

– Мы идем? – оборвал Ждан размышления Волны, сильно сжав плечо.

– Да, да, – быстро пролепетал Алексей, – Конечно...

Антип еще не проспался от вчерашних возлияний. Мутный взгляд, стойкий перегар, хриплый, дребезжащий голос. Он медленно, тягуче, спотыкаясь на твердых согласных, произнес, указывая на грязный бокал:

– Плесни-кка кконьячку.

Рустам недовольно пожал плечами, но бокал поднял, брезгливо заглянув внутрь.

– Давай, а тто в стакккане блохха на аркане.

– Кто? – Рустам испуганно отбросил бокал, но толстое стекло не разбилось, а лишь мерзко звякнуло, встретившись с полом, – Ну, тебя с твоими шутками. Какая еще блоха...

– Такккая! Пусто в стакккане значит! Не надо мне ттвоего стакана мне... – последние слова Антип выкрикнул громко, заставив Рустама испуганно сжаться.

Трясущаяся рука с трудом поймала и откупорила бутылку. Не предлагая Рустаму, он проглотил остатки содержимого.

– Это ты к чему?

– А к тому! – снова перешел на крик пьяный Антип, но тут же успокоился, – Мне так легче... не сойти с ума. Смерти, смерти. Мрут как мухи... Столько уже похорон видел...

– Да ты и не пришел на прощание-то, – с укоризной произнес Рустам.

– А нечего там делать, – отмахнулся бандит.

Помолчав минуту, Анти-поэт залез под одеяло и тут же заснул.

– Вот спасибо, друг! – разозлился Рустам, так и не сказав главного, зачем приходил.

Калитка исчезла, снова обернувшись запотевшим стеклом. Деревья заиграли листвой, и птичий хор завел приветливые рулады. Волна жестом радушного хозяина пригласил всех войти, и Макс первым проскользнул за ограду. Ждан остановился в нескольких метрах от стекла, и, придерживая за локоть Алексея, представил гостей.

– Это Михаил. Он же Белый, фамилия такая, – указал богатырь на офицера, – Наш человек. Мы с ним вместе много думаем...

– Рад! – по-военному четко произнес Белый, пожимая протянутую руку.

– Это Степан, – представил Ждан сухого старичка, одетого в длинную льняную косоворотку, – Хороший мужик, добрый.

– Офень прияфно, – старичок сильно потряс руку Волны, заглядывая в глаза.

– Что? Не понял? – переспросил Алексей.

– Гофору, фто офень прияфно пофнакомиться!

– Проходи Степка, проходи, – подтолкнул Ждан, следом направляясь к бронзовой ограде.

Перед запотевшим стеклом гости замерли – удивленные взгляды остановились на надписи. Алексей подошел ближе, но написанный им «Привет» изменился – теперь там красовались символы: «?ыт отэ ,анлоВ».

– Не понял, – нахмурился Алексей.

– Прочти с обратной стороны, – произнес испуганный гид, выныривая из запотевшей преграды.

– «Волна, это ты?», – проскочив завесу, прочитал Алексей.

– Что все это значит? – оглядел присутствующих Михаил, когда вся компания присоединилась к хозяину.

– Леха... он смог написать, – пробурчал недовольный Макс, – И вот, получается, ему ответили!

– ИСПОВЕДАЮ ГОСПОДЕВИ! – радостно вскрикнул Ждан, а Михаил и Степан обменялись понимающими улыбками, – ИСПОВЕДАЮ ГОСПОДЕВИ!

– Это хорошо? – не понял Волна.

– Чудо! Столь необходимое нам чудо! – попытался пояснить Белый.

– Тофьно – сцюдо-о-о! – прошепелявил старичок.

– А что хорошего?

– Пойдемте к дому, – оглядываясь, заявил Белый, – Там спокойнее.

Расположились на веранде с видом на живописное озеро. Плетенная мебель, приятная прохлада, цветущие водяные лилии. Волна поставил в центр стола вазочку с печени-

ем, обнаруженную в доме, и уселся в кресло. Локти присутствующих соприкоснулись.

– Красиво у тебя, – глубоко вздохнул Ждан.

– Вот уж не уверен, что это моя заслуга, – улыбнулся Волна, – Неужели есть Миры, где еще лучше?

– Должны быть, – однозначно вставил Белый.

– Давайте без лишней болтовни, – предложил Алексей, – Макс многого не знает или не говорит.

– Я рассказываю все, чему нас учат в школе гидов, – парировал толстяк.

– Именно, – подтвердил Ждан, – Он рассказывает тебе официальную версию. То, чему его учили. Я же расскажу, что удалось узнать за долгие годы пребывания в Меди. Но предупреждаю, чем больше узнаешь, тем запутаннее выглядит...

Кроме Медного, Серебряного и Золотого существует и еще одно место – там живут Высшие Силы.

– Бог?

– Высшие Силы, – повторил здоровяк, – А Бог... Бог он повсюду!

– Ангелы? Апостолы?..

– Давай не будем ограничивать себя терминами, а? Их такое множество в разных учениях, что запутаемся. А что из этого и насколько соответствует действительности, мы толком и сами не знаем. К тому же, как я понял, ты не самый большой знаток богословия?

– Не самый... мягко говоря! Да и вы, как я погляжу, знаете не больше моего. Что там ничего не знали, что тут...

– Так вот, – перебил здоровяк, – Есть и место пребывания Высших. Мы называем его «Олимпом». Потому что... ну, ты понял, по аналогии.

Оттуда и пошла идея о создания Олова – Мира Смертных, Мира Испытаний. От идеи принимать почивших на «Олимпе» отказались, видимо, сразу. Или после неудачного эксперимента – не знаю точно. Поэтому был создан Золотой Мир. После смерти в Оловянном, люди перемещались в Золото и существовали там вечно. Схема проста: заслужил в Олове – шагай в Золото, не заслужил – заходи на второй круг. Что происходит в Золоте, какие ощущения, какие правила – теперь не знает никто ни в Серебре, ни в Меди. Это высшая награда, но в чем она заключается?

Вернемся к Олову: народ размножался, умнел, озадачивался устройством Мира. Думал, решал, ошибался. Уравнивать всех в Золоте оказалось несправедливым – создали Серебряный Мир. И там есть счастье, радость и любовь, но в меньшей степени. В Серебре, говорят, можно очиститься и заслужить кейф Золотого Мира. Или навеки остаться в Серебре.

– Рай второго класса? Три звезды? – хмыкнул Алексей.

– Не перебивай ты! Существование там вовсе неплохо. Ощущение счастья и успеха такое же, как здесь, в Меди, только постоянное. И многие не стремились покинуть Се-

ребро, не пытались перейти выше.

В Оловянном же Мире жизнь стала развиваться непредсказуемо, резкими скачками. Появились умники, поведавшие людям о высших Мирах... Энергию растрачивали на войны, убийства и прочую непотребщину. И действительно, зачем напрягаться, если после смерти ждет Серебро или, в худшем случае, еще одна попытка в Олове? Грабь, жги, убивай, а после счастье, покой или новый шанс.

При этом решение о будущем нельзя принимать в Олове – там уйма живущих, тела почивших и... наверное, еще какие-то проблемы. Это делали в Серебряном Мире, и значит, приходилось постоянно держать открытым проход между ним и Оловом. Число людей росло и, со временем, огромные массы стали шлындать между Мирами, создавая хаос. Под угрозой оказался один из главных принципов жизнеустройства – Справедливость. Ведь кого-то могли упустить, кого-то, наоборот, незаслуженно наказать. Там, где надо существовать, находились временщики. В общем, возможен стал бардак – главный враг Порядка!

Тогда и появились еще два Мира, один из которых Медь. Это Мир – отсев, Мир – сито! Мир, в который перенесли Суд и Решение. Место, где пребывание уже может стать поощрением или наказанием; откуда могут отправить обратно в Олово, выше – в Золото – Серебро или... в НИЧТО! В боль и страх... В ежеминутную катастрофу Большого Ничто!

– Ад?

– Если говоришь о раскаленных сковородах, то, скорее всего, нет! Если о Мире наказания – то да!

– Но и здесь, в Меди, хорошо... – неуверенно вставил Алексей.

– Конечно, ты же должен почувствовать вожаденное Серебро! Должен понять, к чему стремиться. Вот только это «хорошо» тут непостоянно. Помнишь свои ощущения во время казни? Когда рядом стража? Палачи? То-то же. Нам хорошо, когда они этого хотят, и плохо становится так же по их желанию. Мы не властны даже над собственными ощущениями и чувствами.

Любой из созданных Миров получает мощнейшую подпитку от «Олимпа» лишь в моменты создания, или когда возникают серьезные проблемы. Когда все налажено, когда движется по задуманному, внимание Высших переключается на другое, более необходимое. А текущими проблемами занимаются подручные – наместники. Соответственно, Медный, Серебряный и Золотой. Это если по-нашему говорить.

В теории, связь с ними возможна. Любая молитва, просьба – это связь, но я уверен, что нас больше не слышат! Когда-то слышали хорошо, потом все реже, и, наконец, перестали вовсе. Ни одна просьба из Меди не удовлетворена за последнее время. По крайней мере, у меня именно такая информация.

Это может означать только одно – Медный Мир захвачен. Кто-то овладел им и использует в своих интересах, скрывая

правду от «Олимпа».

– Кто и... зачем? – испугано залепетал Алексей, с каждым словом Ждана теряя ощущение счастья.

– Кто – не знаю. А для чего? Власть! Причина всегда одна.

– А «Олимп» не видит? Не слышит?

– А зачем? Энергетика из Меди идет положительная. Здесь почти все довольны и рады. Никто не решает проблему, если ее нет. Нас делают счастливыми, довольными, и мы существуем, одурманенные нарисованным счастьем.

Но с каждым днем проблем открывается все больше. Люди пропадают, казнят невиновных. Да, и в Серебре не все в порядке. Именно оттуда поступает угроза. Стража... ну, ты видел. Вместо реальной казни, самоубийцы оказываются...

– А связь с «Олимпом»? – перебил Волна. – Можно связаться напрямую? Рассказать?

– Можно, но крайне сложно. Вот тут, надеюсь, ты и сможешь помочь. Послушай. Для прямой связи с «Олимпом» нужна очень мощная энергия, способная перебить тот ложный позитив, что исходит от Меди. Здесь такой нет, а если и существует, то в руках Медного Наместника или... врага.

– Враг... – вслух повторил Алексей, – Дьявол? Сатана?

– Я не знаю! За всю историю Миров, всегда находились желающие увеличить власть и не всегда действовали добром. И Наместники не обладали сегодняшним могуществом – они добились его постепенно, но сделали это мирно. А кто делал иначе – пропадал, но сначала доставлял всем множество

проблем.

В каждом из Миров наступали черные времена. Были они и в Олове: люди, под воздействием тогдашнего Наместника – Саврийла, оказались втянутыми в страшные религии, отличные от главных принципов...

– Не будь козлом, и тебе это зачтется? – процитировал Волна гида.

– Дурацкая формулировка, но... если не углубляться, то примерно верная.

– Нормальная формулировка! – надул губы Макс.

– А как будет по-старорусски слово «формулировка»? – неожиданно спросил Алексей.

– Так вот, – не обращая внимания на его слова, продолжил Ждан, – Убеждения тогдашних вероисповеданий сильно отличались от главных принципов. «Олимп» узнал о планах Оловянного Наместника, низверг предателя и занялся переустройством Мира Олова. Кстати, с тех пор Наместника там нет – «Олимп» управляет напрямую.

Броситься на существующие религии сразу, грозило катастрофой – люди же верили! И верили искренне. Проблема решалась постепенно, за многие века. Различные положительные вероисповедания проникали плавно, не спеша. Медленно окутывая страну за страной, материк за материком.

Когда ситуация стабилизировалась в одной части, Высшие переходили к следующей. Небольшие племена и страны еще оставались во власти злобных вер, но с ними могли самосто-

ательно справиться и оловянные адепты.

Изначально требовалось много сил, но со временем ситуация выравнивалась, и столько энергии было не нужно. Ее излишек мог спровоцировать новые веяния, а зная как у людей приживаются учения – через плаху и кровь – представители «Олимпа» собирали остатки энергии и запирали в неких культовых предметах. Эти вещицы имели большое значение для той или иной цивилизации. У каждого это своя вещь.

Одной из местностей, с нашей стороны планеты, где бушевали мощные энергетические потоки, была Русь. Старые культы, изначально мирные и природолюбивые, изменились, ухудшились. Отошли, под воздействием Савриила, от главного принципа. И тогда...

Князь Владимир. Крещение! Огромное пространство обратилось в Православие. Воды Днепра сыграли свою роль, но вовсе не явились волшебным эликсиром, изменившим в момент людское сознание – новую религию встречали с недоверием, а то и с откровенной враждой. Трудности принятия христианства, заставляли Высшие Силы все более и более подпитывать Русь, и остатки энергии были грандиозны. Когда наконец «Олимп» признал крещение состоявшимся, стали подыскивать предмет-вместилище. Нечто отражающее самостоятельность нового образования. Независимость от старого. И нашли.

Владимир Святославович, Владимир Креститель! Уже свершилось крещение, уже началось изменение, преобразо-

вание Руси, но еще сильны были связи со старым. Уже загнивающее, но еще сильное Греческое Царство, агрессивное латинство и просвещенный арабский мир имели веры положительные, но представляли для Руси угрозу духовную, могущую привести к смене курса, и тем самым к новому насилию.

Зажравшийся Константинополь пугал нестабильностью, а, следовательно, возможной реакцией религий бывшего Наместника. Самоуверенный Восток, пытаясь переманить Русь к магометанству, угрожал новыми потрясениями, новыми жертвами. Как всегда, при смене религии. Католики... из той же серии.

Тем не менее, внешне независимая Русь была экономически плотно связана с ними. Даже золотые деньги греков и арабов имели полноценное хождение в государстве. И Владимир принимает решение чеканить собственную золотую монету – ЗЛАТНИК!

В монете нет экономической необходимости – чужого золота, да и серебра, вполне хватало. Это был знак, образ. Символ истинной независимости, подтверждение духовного суверенитета.

«Интересно, – снова возникло в голове у Алексея, – как по-старорусски звучат, эти привычные ему «независимость» и «суверенитет»? Кто и как переводит?...».

– Вот в первой-то монете и заключена мощнейшая энергетика Высших Сил! – громогласно закончил Ждан, – Именно

эта денежка, будь она у нас, помогла бы связаться с «Олимпом».

– Мы можем ее отыскать?

– Она в Олове. Никто из нас не может попасть туда, но я знал... вернее, мне подсказали... – неожиданно смутился Ждан, – Оказывается, что ты переписываешься с кем-то... В общем, получается, ты сможешь попросить этих людей помочь.

– И где ее искать?

– Вот тут начинаются трудности. Вернее, наши данные об этом очень скудны, но, чтобы получить хотя бы их, мне потребовалось много оловянных веков. Мы знаем, что артефакт вот здесь...

Ждан разложил на столе грязную тряпицу, на которой чем-то темно бурым были выведены символы: Χερσόνησος.

– И что это за каракули? – не понял Волна.

– Эфо греческий, – произнес Степан с видом знатока.

– Греческий? – переспросил Алексей, – И что это значит?

Ждан взглянул на Степана, ожидая ответа. По всей видимости, именно он в компании являлся самым грамотным.

– Эфо знафит Херффбонисос, Херфон по-прифыфьному – полуофтроф! – пробубнил старичок.

– Что?

– Херсбонисос, Херсон – полуостров, – «перевел» Михаил, недоверчиво покачав головой.

– Полуостров? – усмехнулся Волна, – Ну, тогда считайте,

что вопрос решен. Полуостров – это же такой точный адрес! Сколько их там на... в... Олове этих полуостровов? Тысячи? Сотни тысяч?

– Успокойся! – огромная пятерня богатыря тяжело упала на плечо Алексея, – Ответ, скорее всего, не в значении слова, а в его... произношении – Херсон.

– Херсон? – в один голос вскрикнули Михаил и Алексей, – И при чем тут Херсон?

– Знакомое слово? – оживился Ждан, – Вот я же говорил. И я его раньше слышал... Это же город такой, верно? Вот в этом городе монета и спрятана.

– Господа, подождите, – Белый резко вскочил на ноги, но тут же снова опустился в кресло, уложив руки на локти собеседников, – Ждан не мог при жизни слышать о Херсоне. Не мог! Когда ты родился? А Херсон основан в XVIII веке! Лет через пятьсот после твоего прибытия в Медь.

– Но я слышал, я уверен! – пробасил великан.

– Минуту, – Алексей вопросительно взглянул на Ждана, – Если ты слышал, то скажи, что именно...

– Не могу... – великан казался удрученным, – Слово знакомое, но чем именно – не помню. Пойми, еще оба моих деда и бабки были образованными: умели и читать, и писать, а потом... потом все как-то изменилось. Мой отец уже с трудом мог прочесть пару строк, а я... я не учился вовсе. Я воин! Зачем мне это? Мечом владеть...

– Подожди, но все же ты из тех времен, – не отставал Вол-

на, – Пусть не умел читать, но разговоры, сказки... как их там... былины должны же были рассказывать. Что-то про Владимира было?

– Было, конечно. Но это же предания, прошедшие века. В основном простые истины: Креститель, Святой, Красно Солнышко... Степка, вон, читать может – дьячок он бывший – и по-нашему, и по-гречески чуток, а что толку? Он позже меня в Олове был. Ему там доверяли пару книг читать, а большего не положено было. Там про Херсон не было ничего.

– Ну, какие там «прошедшие века»? – не согласился Алексей, – Ведь ты...

– Что «ведь я»? – отмахнулся Ждан, – Я, может, в Меди и самый древний, но родился спустя несколько столетий после Владимира. Нахожусь тут, то есть, как ты понял, уходил я с Севера, откуда до Киева тысячи верст, а уж где тот Херсон... Мой князь – Дмитрий Иванович...

– Донской, – пояснил Михаил.

– Про Херсон я слышал что-то мельком: или монголы рушили, или литовцы.

– Не могли в твоё время Херсон... – снова начал Михаил.

– Стоп! – оборвал споры Волна, – Так мы ничего не решим. Давайте попробуем подвести итог...

– Монета у греков в Херсоне, – почти по слогам произнес Ждан, – Других данных у нас нет.

– У греков? Может, на Украине? – вздохнул Волна.

– Чего?

– Что «чего»?

– Украина... чего?

– Ничего не понял. На Украине есть город Херсон и...

– На Украине... чего?

«Какой-то сбой в этом его «переводчике»», – догадался

Волна, но вслух произнес:

– Не важно! Пока единственное, что нам известно – это Херсон. Верно? Как Владимир мог попасть в город, который появился гораздо позже его эпохи, нам не ведомо.

– Не Владимир же сам монету прятал... – пробубнил Ждан.

– Все равно не логично! Монету выбрали как сакральное, значительное явление, скорее всего, и место должно быть таким же. Что было значимым в ту эпоху? – Алексей пытался вспомнить хоть что-то из школьного курса истории, часть которого он прогулял с друзьями-оболтусами, – Днепр? Киев?

– Чем вам всем не нравится Херсон? – Ждан казался очень расстроенным, – Пусть большой город основали позже, но не на пустом же месте. Города рождаются, умирают, снова оживают. Возможно, там была рыбацкая деревушка или одинокий монастырь, возможно, ее посещал Владимир Креститель, просто история об этом позабылась. В любом случае, – здоровяк потряс тряпицей, – Это точные данные. Из Архива Золота! Это самые точные данные.

– Как ты их получил в самом архиве? – У Михаила рас-

ширились глаза от удивления.

– Помогли, – не стал объяснять богатырь, – Но это точные данные. Это главное связующее слово между монетой и современностью.

– Все может быть, – тихо произнес Волна, – Пока мы знаем, что это Херсон, и дело в городе, а не в полуострове. Но где в Херсоне? Город-то большой.

– Мы не знаем точно... Родовые связи в Меди разорваны и узнать не у кого, а расспрашивать всех подряд нельзя – стража заподозрит неладное. Наше предположение – это храмы. Что может быть более знаковым для Крестителя? Вероятно, храм времен Владимира, – подытожил Ждан.

– В Херсоне?..

– Какие еще родовые связи? – влез в разговор Макс.

– Такие! – громыхнул здоровяк, – Вам в школе разве не рассказывают, почему вдруг понадобились гиды, если раньше прекрасно справлялись почившие предки?

– Это были ошибки, – объявил гид, – Их исправили много веков назад.

– Сам ты ошибка, – отмахнулся богатырь.

– Ой, подождите. Голова кругом идет, – запричитал Волна. – Дайте подумать.

Воцарилась пауза. Алексей закрыл глаза и откинулся на спинку кресла, пытаясь разобраться в нагромождении данных. Итак, он оказался в Медном Мире. «Вот тут бы проснуться и посмеяться над глупым сном!» – подумал Вол-

на, – «Но, похоже, не выйдет. Ладно, хороший, вроде, мирок. Почти всегда ощущается счастье. Почти.».

У него появился огромный дом на берегу озера. Великолепный сад. Живи и радуйся. Соблюдай несложные правила и жди дальнейшего распределения. Тут и начинаются сложности. Правила-то есть, но их исполнение выглядит, мягко говоря, коряво.

Первое, никого уже давно не перемещают. Почему?

Второе, Мир должен быть насыщен любовью. В принципе, так оно и есть, но вот форма, которую обретает здесь это чувство, несколько попахивает насилием. Если бы не принятая в Меди терминология, Алексей не стал бы называть ЭТО любовью. Постеснялся бы.

Третье, казненные самоубийцы оказываются в рядах стражи. Стража – это представители Серебра, то есть дезертиры оказываются на более высоком положении, чем миллиарды обитателей Меди. И где здесь Справедливость?

Далее, самое сложное. Одно дело знать о происходящих нарушениях, а другое выступать против них. Кем бы ни была стража, кому бы ни подчинялись палачи – они власть, они устанавливают правила. И, кроме прочего, их много. А кто он такой? Недавно явившийся из Олова, ни особым умом, ни силой Алексей не отличался, и чем он может помочь этой кучке малознакомых людей?

Есть еще его «переписка» с Оловом, но кто отвечал Волне на запотевшем стекле пока не известно. Сможет ли этот

человек подать руку помощи – тем более. Ждан и остальные очень надеются на Алексея, но сможет ли он помочь? И, главное, желает ли? Дурацкая ситуация...

– Что ты хочешь, в конечном счете? – прикоснулся Алексей к Ждану, – Найти Златник, связаться с «Олимпом» и пожаловаться?

– Я хочу Справедливости! Она есть одна из целей существования. Медь должна быть справедливой.

– Но ведь стража сразу узнает, что мы замышляем?

– Скорее всего, да. Но нас не только пять человек. Под руководством Михаила четыре сотни казаков. Этих сил хватит, для восстания...

– Восстание? Бунт? – взвизгнул Макс, – Вы о чем говорите? С ума посходили?

– Да уж... – смахнул пот со лба Волна, – В любом случае, четыреста человек против армии стражи – это ничего!

– Они не смогут нас уничтожить сразу, – спокойно продолжил Ждан, – Произойдет очень сильный выброс энергии, что не останется незамеченным на «Олимпе». Они испугаются: одно дело казнить по одному человеку, а другое сразу несколько сотен. Понятно?

– Типа того... Только... зачем мне в этом участвовать?

– Потому что без тебя во всем этом нет смысла! Никто не может связаться с Оловом, только ты.

– А мне-то это зачем? Мне, вроде, и тут неплохо. Радость там, любовь какая-никакая... Дом.

– А твои друзья? – вскочил на ноги Белый, – А близкие? Родные? Ты хочешь, чтобы они со временем попали сюда? В этот искусственный, насквозь лживый Мир? Где у самоубийц больше прав, чем у праведников? Где самые достойные застревают на века? Или ты хочешь своей матери участи жить с первым встречным, потому что это тут называется «любовь»?

– Эй, эй, не увлекайся! – передернулся от омерзения Волна, – Ужас, что несешь... В таком ракурсе я не смотрел на проблему. Если так, то... пожалуй...

– Бунт? – вопросительно вскинул брови Ждан, растопыривая огромную кисть.

– Бунт! – уверенно подхватил Михаил, опуская свою ладонь в пятерню богатыря.

– Соглафен! – добавил руку Степан.

– Бунт, так бунт! – тяжело вздохнул Волна, присоединяя и свою ладонь.

Макс медлил. Страх огнем полыхал в глазах толстяка. Свободная ладонь Ждана аккуратно приподнялась, несильный замах отвел ее назад... увесистая оплеуха заставила гйда склонить голову.

– Бу... бунт, – сбивающимся голосом заявил Макс, укладывая сверху дрожащую пятерню.

– ДОБРЕ! – удовлетворенно заявил великан, когда руки новоиспеченных бунтовщиков разъединились.

Часть II. Прорыв сквозь жуткие завесы

1

Комната Антипа – образец безвкусицы. Бандитские деньги раскинулись по стенам вульгарной позолотой, встали по углам громоздкими вазами, загудели мощными колонками аудиосистемы. Утреннее солнце, пробиваясь сквозь зеленую ткань портьер, наполняло спальню тусклым светом стоячего болота. Шарики пыли лениво перекатывались по дороговому паркету; порывы ветра, изредка врывающиеся в окно, добрасывали их до мягкого шелка простыней.

Рустам расположился в глубине огромного кресла. Обхватил руками колени, закрыл глаза и погрузился, утонул в думках. Лишь иногда передергивались мышцы лица, выдавая присутствие жизни.

Ужасные мысли роились в голове. Случившееся казалось злой шуткой: события нахлынули мощным потоком, и невольно возникли мысли о галлюцинациях, сумасшествии. Рустам готов был кричать, рыдать и сдаваться врачам, только бы отыскать объяснение своим видениям...

Страшно. В первую очередь за себя. За здоровье. За пси-

хику. Если произошедшее правда – ужас! Если мозгом овладела болезнь – кошмар! Небогатый выбор, мерзкий, и от этого еще более пугающий.

«Это сказка, мистика, колдовство! В мире много необъяснимого. Так бывает» – оправдывалась фантазия.

«Ты псих, псих, псих!» – вопили остатки здравомыслия.
– Так и будешь молчать? – спросил Антип, убавляя музыку, – Может, пива?

– Нет! – резко выкрикнул Рустам.

– Нет, так нет. Нечего орать...

– Извини... просто... – но слова не подбирались, объяснения не находились.

– Да?

– Я, кажется, схожу с ума...

– А подробней можно?

«Ты псих! Псих! Не рассказывай!» – верещало здравомыслие.

– Антип... мне кажется... кажется, я общаюсь с Волною! – на одном дыхании выдал приятель.

– Что?.. Как?

«Молчи! Молчи! Будет только хуже!»

– Братан, мне страшно...

– Так, – поднялся на ноги Антип, – Давай-ка по порядку. Что случилось?

– Волна... он пишет мне!

Рустам глубоко вздохнул и, собрав остатки сил, начал

говорить. Рассказ потек быстро, сбивчиво, но Антип смог узнать о посещении кладбища, когда в свете дня на могиле Алексея вспыхнуло слово: «Привет». Находящиеся рядом люди ничего не замечали – лишь Рустам, затаив дыхание, наблюдал за блеском оловянных символов. Жидкие, будто сотворенные из расплавленного металла, буквы призывали вступить в диалог.

Парень сбежал с кладбища. Укрылся дома, выгоняя из головы глупости. Но любопытство пересилило, и он снова оказался перед могилой.

«Привет» светился неземной амальгамой. Преодолевая ужас, Рустам с хрустом отломил ветку от березки и вонзил ее в пугающие буквы. Слезы текли по щекам, пока рука перемешивала символы с вязкой глиной. Знаки слились воедино. Вещество собралось воронкой, словно в чернильнице, призывая написать в ответ.

Орудую веткой как пером, Рустам начертил вопрос: «Волна, это ты?».

Отзыв обнаружился на следующий день. Алексей писал, спрашивал, рассказывал. Станный диалог пугал, сильнее раскручивая мысли о сумасшествии, но Волна требовал общения, и Рустам трясущимися руками вырисовывал ответы.

– И о чем болтали? – с трудом сдерживая усмешку, поинтересовался Антип.

– Сначала почти ни о чем. «Это ты? – Да, это я – А это я.» Но последнее... сообщение. Тут совсем... другое.

– И что хочет Леха?

– Хочет, чтобы мы с тобой...

– Со мной? – Анти-поэт вскочил на ноги.

– Да, именно. Хочет, чтобы мы отправились на Украину.

В Херсон... Зачем, сказать не может, но это очень поможет ему... там! Все, что надо – зайти в каждую церковь с фото Волны.

– Зачем?..

– Я НЕ ЗНАЮ! – перешел на крик Рустам.

– Тихо, тихо. В Херсон?

– Да. Что мне делать? Может к врачу?..

– Подожди... Первое, что нам нужно...

Антип убежал на кухню. Через несколько секунд в комнату вкатился стол-тележка, позвякивая хрусталем стаканов. В центре возвышалась бутылка водки, покрытая белоснежной испариной, а закуска издавала аппетитный запах соленый. Молча, не глядя на приятеля, бандит наполнил стопки до краев.

– Думаешь, стоит? – Рустам с сомнением посмотрел на друга.

– Уверен, что да!

Первая стопка провалилась в полной тишине, и Антип тут же налил по второй.

– Блоху свою не утопишь? – глупо улыбнулся Рустам.

– Что?

– Ничего...

Опьянение навалилось на Рустама резко, толчком погрузив в туман. Мысли перестроились, дрожь рук унялась, но и в таком состоянии общение с «тем светом» выглядело абсурдным. Страх не исчез. Наоборот, под действием алкоголя, кошмар стал еще более диким.

После следующей стопки на Рустама накатила злость. На себя. На Волну. На Антипа, что не верит до конца словам приятеля. На дурацкие шторы, что превращают яркий день в зеленое болото. На глупые вазы. Снова на себя... Обида подступила к горлу и вырвалась на свет горьким рыданием.

– Э, приятель, так дело не пойдет! – вскочил на ноги Антип.

– Извини... Говорил же не надо пить.

– Знаешь, что... Давай еще по одной и поехали!

– В Херсон?

– Для начала на могилу!

Старое кладбище пряталось в тени деревьев. Листва обильно падала, но дворники старательно шаркали метлами по дорожкам, оставляя лишь надгробья желтыми от осеннего стриптиза берез. Рустам привычно подошел к могиле Алексея и разгреб листья.

– Твою-то!.. – испуганно вскрикнул Антип.

Глиняный холм покрывали буквы. Небольшие, но яркие символы множеством крошечных зеркал отражали солнце. Каждый сантиметр блестел информацией; каждое слово, цепляясь за следующее, выдавало путанную инструкцию: фото, Херсон, церкви, возможно, потребуется съездить и в другие места. Ясно, что написанное очень важно для Волны, но ясно и то, что он не до конца уверен в правильности выбора пути. Многое планировалось выяснить во время путешествия.

Недоверчивый Антип ткнул пальцем в одну из букв. Жидкий металл колыхнулся, но границ символа не покинул, а холод вещества заставил отдернуть руку. Мог ли кто-то подшутить? Нет ли здесь розыгрыша? Анти-поэт пытался найти разумное объяснение: кто-то пришел, проследил за Рустамом, и теперь посмеивается из-за угла? Не подходит! На похоронах больше никто не видел злополучный «Привет», хотя стояли рядом. Выходит, это что-то предназначенное только

для них?

Что за металл? Ртуть? Нет, ртуть не стала бы спокойно лежать – утекла бы со склона. Других «жидких» металлов он не знает. Антип потер виски, пытаясь собрать мысли. Опыение моментально испарилось, появилась головная боль. Выход один – поверить в «потусторонность» явления, признать, что происходит что-то мистическое.

Рустам оторвал взгляд от могилы; на лице читался застывший вопрос: «ты видишь?». Антип кивнул в ответ, и приятель облегченно вздохнул. Бандит больше не был готов высмеивать чужие страхи, теперь ужас подступил к нему самому. Любимая защита – пистолет, столько лет верно служивший хозяину, здесь беспомощен. Все, что нельзя застрелить, пугало Антипа.

– На фига ты ко мне пришел, а? – тихо произнес Антип.

– Извини... больше не к кому...

– Спасибо... за доверие!

– Не злись. Что скажешь?

– Ничего!

Взгляд снова пробежался по словам. На мгновение Антип зажмурился, надеясь, что видение растает, но перед открытыми глазами по-прежнему горели пугающие буквы. Рустам достал фото Волны и пробежался пальцами по лицу друга; вздохнул, и карточка снова отправилась в карман.

– За что? – вскрикнул Антип, обращаясь взглядом к небу.

– Не знаю... Так, что насчет... Украины?

– С ума сошел? Какая еще Украина? Нам нужен психиатр, уфолог, экстрасенс... кто угодно, только не Украина!

– Но... Волна же просит!

– Какой еще Волна? Это чертовщина какая-то! Это не может быть он. Он умер, блин, УМЕР! По-твоему, Леха сейчас сидит под землей и слушает, о чем мы говорим? А потом вылезет и нарисует еще несколько букв? Такого не может быть!

– Почему?

– Потому что... потому. Не знаю!

– Смотри! – резко вскрикнул Рустам, указывая на могилу.

Холм потемнел. Буквы стали прозрачными. Едва заметный металл потек в центр могилы, где образовалась небольшая ямка. Тонкой струйкой, вздрагивая и пузырясь, вещество исчезло под землей. Ушло словно вода из ванной через открытую пробку.

– Все? – со смесью тревоги и радости спросил Антип.

– Смотри!!! – завизжал Рустам.

Из могилы вырвался фонтан сверкающего вещества! Блестящие роднички забили вокруг, с шипением извергая серебристые искры. Пузырящаяся амальгама, на мгновение подлетевшая в воздух, упала на глину и словно живая поползла в разных направлениях, сливаясь и образуя символы. На холме вспыхнули буквы, складываясь в новые слова.

– Что там? Что написано? – от испуга Антип не мог сосредоточиться, буквы разбегались перед глазами.

– Это... это тебе, – заикаясь, ответил приятель.

– Так, стоп! – попытался успокоить сам себя Анти-поэт, делая глубокий вдох, – Читай!

– «Фото не убирайте! Антип, если не веришь, что это я, могу рассказать о наших детских шалостях в деревне, когда нам было по 14 лет. Ведь больше никто этого знать не может, верно?» – прочел Рустам, – О чем это он?

– Я тебе расскажу! – крикнул кому-то Антип, и принялся засыпать буквы листвою, – Не о чем он. Врет он все!

– Кто он-то? – невольно улыбнулся Рустам.

– Волна это, Волна. Теперь верю, – бормотал Анти-поэт, увеличивая гору листьев, – Другого такого хама нет. Шантажист!

– Успокойся.

Антип выпрямился, разминая плечи. Страх происходящего не исчез, но сказка наполнилась новыми, приземленными, деталями. Шутка с того света чуть успокоила, вернула мысли на место, и, если окружающая мистика и пахивала бредом, то теперь стало ясно, что он не только в голове: все действительно происходит. Это вокруг.

Понять – часть дела. Поверить – часть пути. «Что делать дальше?» – этот вопрос безостановочно пульсировал в голове Анти-поэта. К странным ощущениям добавилось и новое: сопричастность, избранность! Никому в целом мире не известно о происходящем здесь и сейчас. Только они, друзья почившего, обладают возможностью «говорить» с покойни-

ком. Что это, честь или наказание? Кара или огромное, сводящее с ума, доверие?.. Антип не знал.

– Слушай... – вздохнул он, – Кроме всех ужасов, в этой истории есть и хорошее!

– Что же?

– Волна! Он не пропал бесследно. Он где-то в другом месте, и, если мы не знаем в каком, это еще не повод думать, что мы психи. А друг он и на том свете друг, как говорит народная мудрость.

– Нет такой мудрости, ты все придумал, – улыбнулся Рустам.

– Есть-есть. Просто ты не все русские пословицы и поговорки знаешь.

Антип умолк. Глаза приятелей встретились, передавая друг другу недосказанные мысли. Страх Рустама, лишь чуточку притупленный, столкнулся с готовностью Анти-поэта. Эта решимость испугала не меньше писем с «того света»: одно дело размышлять, а совсем другое помогать мертвецу. Взгляды разошлись, потупились, скользя по вездесущей листве.

– Если Лехе нужна моя помощь – он ее получит, где бы ни находился!

– То есть, едем в Херсон? – проямлил Рустам.

– Пойми, ему больше не на кого рассчитывать. Волна не стал бы смущать нас просьбами, если бы не крайность. Только нам он может доверять. Только мы сможем помочь!

- Значит, в Херсон... – обреченно выдохнул Рустам.
- Начинай тихо, да заканчивай лихо.
- Что? Что за лихо?
- Это поговорка такая...
- Нет такой поговорки.
- Есть-есть.

В зеленоградской кассе билетов не оказалось. Можно отправиться через несколько дней, но хотелось быстрее выполнить поручение. Решили ехать в Москву, в кассы Киевского вокзала, попытать счастье там.

Заходящее солнце отражалось в окнах медленно текущих авто. Засыпающие лучи лениво перешагивали с блестящих машин на витражи вокзала, но светило все дальше валилось за дома, и разумная автоматика раскрасила фасад электричеством. Холод возвестил о наступлении субботнего октябрьского вечера.

В кассах многолюдно. Очереди тянулись от входа до окошек через весь зал. Мягкий южнорусский говор наполнял помещение хором утомленных голосов. Приглушенное освещение вызывало желание спать. Сесть в поезд, заснуть под мерный стук колес и выспаться, не думая ни о чем.

Заняли очередь. Усталость вынуждала зевать, и сон пеленою затмевал взор, размазывая людей и кассы. Что-то слегка покалывало в груди Рустама, не давая уснуть окончательно, но реальность обрела мутные границы. Где-то в стороне бухтели пассажиры. Где-то вдалеке светились окошки... Где-то рядом упал Антип!

Грохот тела заставил резко обернуться, разгоняя сон. На мраморе пола мирно посапывал приятель: лицо искривлено в идиотской улыбке, руки собраны под головой; очередь колыхнулась, расступилась, гневно бормотнула что-то про сумасшедших, но через мгновение все забыли про упавшего человека.

Рустам, чертыхаясь, поднял бесчувственного друга. С трудом, волоком, дотащил до зала ожиданий. Несколько тычков прогнали сон, и Антип забурчал извинения. В кассы вернулись расстроенными и нервными. Несколько корявых «вас тут не стояло» бандит погасил одним взглядом, и люди пропустили парней обратно в очередь.

Теплота и мягкий свет снова приятно окутали Антипа. Тихое бормотание ласкало слух... Шторы век опустились, принося вожаделенную темноту... Так приятно... Так хорошо...

Резкий удар по щеке привел в чувства! Антип вскочил на ноги, готовый дать отпор любому врагу. Взгляд пробежал по сторонам, но встретил лишь красного от бешенства Рустама в надоевшем уже зале ожиданий.

– Да что такое?! Что с тобой?! – бесился приятель, занося руку для новой пощечины.

– Понятия не имею! – перехватил ладонь Антип.

– Я сам почти засыпал... Знаешь, что мне не давало окончательно свалиться? Вот! – Рустам достал из нагрудного кармана фото Волны, – Она колотится как будто...

– Мистика какая-то!

– Неужели? И откуда бы ей взяться? – съязвил Рустам, – Ну что, еще раз попробуем?

– Даже не пытайтесь, – раздался за спиной голос с хрипотцой, – Каждый раз будет одно и то же.

Невысокого роста щуплый мужчина в казачьей форме

осматривал приятелей сквозь заросли сдвинутых бровей. Голова чуть склонилась к плечу. Пальцы с едва различимым треском покручивали жесткую щетку седых усов. Во взгляде одновременно читалось и недовольство, и сочувствие, и желание помочь, и неверие в успех.

– Ты еще кто такой? – проворчал Антип.

– Я – помощник! – однозначно заявил казак.

– А-а-а, тогда все понятно, – отмахнулся бандит от незнакомца, собираясь вновь отправиться в кассу.

– Подожди, – остановил приятеля Рустам, – Что нам мешает выслушать? Мало ли...

– Слушайте внимательно.

И казак рассказал о неких силах, сосредоточенных на вокзале. Кто это или что – он не имел представления. Знал, что задача этих сил не пропустить друзей к кассам, не дать покинуть Москву. Антипа и Рустама легко вычислить и устранить, но сейчас врагам нужно знать куда и зачем они собрались. Поэтому просто задерживают, собирают данные.

Неспроста они оказались именно сегодня и именно здесь. Поезда в этом направлении отправляются не только с Киевского, но и с Курского, и других вокзалов; не только сегодня, но и ежедневно. Кто-то помогает им, ведет, направляет. Кто – мужчина не знает. Он лишь получает и передает информацию, это его обязанность в некой тайной организации «протозанщиков», говорить о которой казак не захотел.

Единственный шанс ускользнуть от преследователей – ис-

чезнуть, спрятаться, нырнуть в «дыру во времени». Возможность укрытия предоставляется лишь один раз в год и только на Киевском вокзале. Здесь появляется шанс прыгнуть во временной провал, обманув признанные догмы науки.

– Ну как, выслушал? – со смехом спросил Антип у приятеля, игнорируя казака, – Пойдешь нырять в дыру?

– Вам лучше мне поверить. Сэкономите много времени и сил, а то и жизни спасете.

– Да о чем ты говоришь? – взбеленился бандит, – Какая еще дыра? Что ты еще за псих?

– Выйдем на улицу, – предложил казак.

В черноте накатившей ночи вокзал полыхал неоном. Арки входов монотонно гудели пассажирами. Влажные от испарины колонны, подсвеченные снизу прожекторами, казались парящими в воздухе. Башня хвалилась сверкающими циферблатами часов.

Часы и являются главным пропуском в «дыру во времени». Сложное устройство, по мнению людей, создано около века назад, но ни автор, ни точная дата не известны. Утеряна документация. Забыта фирма-изготовитель. Так и шлепают стрелки, отсчитывая обычные московские минуты. Так и светится мозаикой циферблат, скрывая от обывателей тайную, мистическую сущность. Так и капает время час за часом, выжидая нужного момента.

Смотритель тщательно ухаживает за шестеренками, но не ведает главного секрета, а спрятанный за толстыми стенами

и множеством замков механизм честно выполняет работу. Лишь раз в два дня человеческие руки прикасаются к часам, чтобы завести. Лишь дважды в год зритель выполняет более сложную операцию – перевод часов.

В марте, при переходе на летнее время, стрелки нежно двигают вручную. Тайна же заключается в переходе на зимние часы: именно в ночь на последнее воскресенье октября, для «выравнивания времени», стрелки останавливают на час! Ровно в три часа ночи. Ровно на три тысячи шестьсот секунд.

Здесь и образуется «дыра», которую не замечают жители Олова, но которая затмевает взоры представителям других Миров. Целый час самостоятельности и безнадзорности. Шестьдесят минут, скрытые от взора палачей.

В скором времени собираются отменить перевод часов на зимнее и летнее время. Это упразднит и мистическую «дыру». Возможно, подобное «затмение» произойдет в последний раз, и в будущем задуманное Антипом и Рустамом станет невыполнимым.

– Они часто создают такие заделы, чтобы... – казак задумался и не стал продолжать.

– И за этот час мы должны добраться до... – начал Рустам.

– Нет! – резко перебил казак, – Во-первых, я не должен знать, куда вы направляетесь. Во-вторых, не должен знать как. И в-третьих, за час необходимо добраться лишь до следующего пункта. Вот, тут написано, где это, – мужчина про-

тянул мятую тряпицу, на которой чем-то бурым было выведено слово, – Писал во сне, по их просьбе... Что там – не знаю.

Следующей остановкой оказалась станция Рассудово. От платформы на восток, в паре километров от железной дороги, есть поселок Паморка. Там, на окраине села, будет ждать следующий связной, следующий помощник. Расстояние небольшое – есть все шансы добраться за час.

Антип поджег тряпицу и бросил ее в металлическую урну.
– Так нас же не видно? – все еще не верил казаку Антип.
– Не видно в течение часа, но потом все возвращается на место.

– Тогда чем нам поможет... э... то место, куда мы направимся?

– Я не знаю! Но это следующий пункт. Там что-то или кто-то будет ожидать. Большого не знаю, – с сожалением пожал плечами казак.

– А на чем ехать? Ночью нет ни поездов, ни электричек.
– Я больше ничем не могу помочь. Удачи!
– Отлично, – злобно пробубнил Антип, – Иди туда не знаю куда...

– Прощайте ребята. И да поможет вам Бог!
– Да уж... Спасибо.

Несколько часов ожидания. Сотни минут тяжелых размышлений. Последний шанс отказаться, плюнуть на все и вернуться домой.

Антип не привык отступать. Не для того тащился в Москву, чтобы, послушав бредни странного дядьки, развернуться обратно. Обещал помочь – поможет! Необходимо рискнуть – рискнет! Только как же сложно и противно осознавать, что находишься под наблюдением. Мерзко и тяжело бездействовать, понимая, что каждый твой шаг известен преследователям. Горько и удручающе делать вид, что ждешь кого-то, когда никто не придет.

Зато легко и просто не раскрыть врагу план, когда никакого плана нет! Именно так и решили – безмолвно, переглядом – не обсуждать ничего до трех часов ночи. На всякий случай, ведь вокруг полно народу. Кто из них невинный пассажир, а кто соглядатай?

Вялые стрелки часов перекатывались с минуты на минуту. Рустам дремал, устроившись в пластике кресла, словно нет опасности, словно нет вокруг шпионов. Антип нервничал. Закаленный враждебной улицей, бандит всегда готов к драке. Согласен рисковать, если понадобится, жизнью, склонен пожертвовать всем, чтобы помочь другу, но как же он ненавидит ждать! Пустая трата времени. Выброшенные в никуда

мгновения жизни...

Вязкие минуты ползли к трем. Оставалось полчаса. Четверть. Чем меньше времени, тем медленнее шелестят часовые колеса. Пять минут! Хочется отсчитывать про себя секунды, подгоняя время. Четыре! Ну же, часы, шевелитесь, шевелитесь... Три! Надо будить Рустама, надо быть готовым. Две! Вставай же, соня. Нам скоро... Одна! Уже две пары глаз пристально подталкивают стрелки...

– Пора! – вскочил на ноги Антип.

– А куда?

– В Рассудово!

– А как? Может, такси, – ноги Рустама быстро перебирали по асфальту.

– Нет! – Анти-поэт на секунду остановился, – Нельзя такси. С нашими светофорами за час из Москвы не выберемся, а застанут в машине... фиг знает, что будет!

– Тогда куда? Поезда не ходят!

– Пойдут. Не ходят пассажирские, а товарников полно. Деньги есть – договоримся.

– Бежим!

События завертелись, подхватив друзей. Что ждет их впереди – неизвестно, но надо действовать, надо помогать Волне! Пусть все будут, как будет. Пусть Мир сам определит дальнейшее. Антип размял плечи, словно готовясь к предстоящим трудностям, и задорно произнес:

– Хорошо быть подхваченным бурным потоком!

К тайной цели нестись, ожидая экстаза,

Доверяя перстам всемогущего Рока...

Если только поток – не струя унитаза!

– Боишься, что сольют? – ухмыльнулся Рустам, всегда критически относящийся к творчеству приятеля.

– Всегда есть шанс облажаться! Но наше дело простое – вперед, а там будь, что будет.

Становится легко. Предстоящие шаги намечены, направление известно, остается исполнить. Первым делом на перрон, далее на пути. Найти машиниста. Договориться. Дело нескольких минут.

Переход. Лестница вверх. Первый пролет, но... второго пролета нет! Ступени оборвались, исчезли в черноте. Что-то сожрало лестницу, откусило и проглотило часть пространства, оставив пролом в никуда.

Сбежали вниз. Попытались выскочить на другую платформу, но и там тьма. И там словно отгрызли часть лестницы, выплюнув несколько ступеней.

– Что это? – испуганно прошептал Рустам.

– Те, кто нам мешает. Нас не видно. Вот и перекрыли все подряд.

– И что будем делать? Куда теперь идти? Время-то идет...

– Я думаю – надо вперед! Другого пути нет. Значит, вперед.

–Туд... туда?

– Есть варианты?

Сделав глубокий вдох, Анти-поэт зашагал по ступеням. Чернота все ближе – теперь она обернулась осязаемой, дымчатой завесой, клубящейся перед ним. Едва различимый, но до омерзения прилипчивый запах забивался в нос, и казалось, что все – и одежда, и волосы, и даже кожа – мгновенно пропитались этой вонью. В полной тишине слышалось частое дыхание Рустама.

Застыв на мгновение, Антип ступил во мрак. Тьма молниеносно затмила взор, и тяжелою глыбой навалился страх. Холод пронзил, вызывая крупную дрожь. Мысли, трепыхающиеся в голове, выстроились в одном направлении: впереди катастрофа, впереди смерть – неминуемая, вызванная собственной глупостью, гибель. Но спасение есть! Избежать чудовищного конца легко: надо лишь отступить. Сделать шаг назад и выбраться из омерзительного мрака. Там жизнь, там дом. Антип бросился обратно, сшибая с ног Рустама, и два тела вывалились из черного облака на лестницу.

– Нам... нам не пройти! – зарыдал перепуганный Рустам.

– Что это было? – Антип поднялся на ноги, оглядываясь по сторонам.

– Мне показалось, что я... умираю!

– Такая же фигня. Но нас же не видят, не чувствуют, не знают, где мы. Значит, это просто ширма, маскировка, желание испугать. Нас пытаются остановить!

– Ты что... больной?! – в ужасе вскрикнул Рустам, – Ты опять туда собрался?

– А какой выход? Бросить все? Сбежать? Ты это предлагаешь?

– Я... ну... это... – залепетал Рустам.

– В общем, как говорится, кто смел, тот и поел. Я иду! Ты со мной?

– Я... боюсь!

– Я тоже.

– И... нам опять туда? – дрожащая рука указала на сгусток тьмы на лестнице.

– Вперед! – одними губами произнес Антип и снова вошел в страшное марево.

Чернота больно впилась в глаза – зрение пропало. Казалось впереди множество километров пути, насыщенного чем-то ужасным, невыносимым, смертельным. Снова возникло желание вернуться, но настырный Антип шел и шел вверх. Стало безумно холодно. Словно тонны льда образовались под кожей, сковывая каждую мышцу, и миллионы игл пронзили тело, вкручиваясь до костей. Будто бы тысячи крючьев рвали и тянули, желая растащить на множество кусков.

Вдруг, в этом могильном холоде, в этом состоянии почти смерти, Антип ощутил каплю тепла. Чуток жизни. Это Рустам в страхе вцепился в руку товарища. Это друг. Это помощь. Это жизнь! Анти-поэт быстрее зашагал вперед, волоком таща испуганного приятеля. Еще шаг, еще мгновение, и... мгла расступилась, разбежалась по сторонам.

В глаза ударил мягкий свет ночного депо. В лицо пахнуло

прохладным, горьковатым, но таким живым, воздухом. Грохот вагонов, звон рельсов... Чернота осталась позади, клубясь зловонным дымом. Вышли! Выбрались. Спаслись...

– Что... что это было? – тяжело дыша, спросил Рустам.

– Понты! – радостно провозгласил Антип, – Дешевые адские понты!

Часть III. Укрытие в тени Вселенной

1

Железнодорожные пути, в изобилии разбросанные у вокзала, постепенно слились – маневровые стрелки превратили клубок рельсов в две привычные колеи. Одиноким электровоз спешит по своим делам. В кабине, кроме машиниста, Антип, устроившийся на старом пивном ящике, и Рустам, дремлющий на откидном сидении.

Договорились быстро. Пара слов, пара купюр, и машинист спрятал деньги в карман, кивнул в сторону кабины, и вот, приятели трясутся в чреве локомотива. Несутся в сторону Рассудова.

– Везучий татарин, в любой обстановке готов спать! – хмыкнул Анти-поэт.

– Русский в кассах выспался! – сквозь дрему проговорил Рустам, не открывая глаз.

– Слишком часто останавливаемся, – беспокойно произнес Антип и обратился к машинисту, – Долго еще?

Машинист передернул плечами.

– Очень многословно...

Волна прилип к телевизору. Время неумоимо двигалось вперед, но до цели пути еще далеко. На экране молчаливые фигуры Рустама, Антипа и машиниста покачивались под стук колес.

Тишина в доме Алексея прерывалась лишь скрипом дорожных половиц – это Ждан и Белый, нервничая, вышагивали по гостиной. Испуганный Макс вжался в мягкость дивана, подтянув ноги к подбородку. Степан лениво переставлял здоровые литые шахматы, изображая спокойствие.

– Ну, что там, есть что новое? – в очередной раз спрашивал Михаил.

– Все тоже, – привычно отвечал Алексей.

– Что ж так долго-то? Видно хорошо?

– Нормально. Если бы Рустам еще фото не убирал, вообще было бы отлично. Можно ему это передать?

– Нельзя, – Ждан положил огромную лапу на плечо Волны, – Сколько раз повторять – связь односторонняя. Мы видим только через фото. Хорошо хоть уговорили взять его с собой... Время подходит к концу. Как бы нам их спрятать от стражи?

– Ты так и не объяснил, для чего им в Рассудово, кто этот казак и откуда он что знает, – проговорил Белый.

– Не сейчас, – отмахнулся богатырь.

Нервы на пределе. Сколько событий, сколько неприятностей. Что заставляет каждый семафор вспыхивать красным?

Совпадение или чей-то умысел? Больше всего пугает другое: Ждан веками собирал информацию и готовил план восстания; никто кроме близких людей не знал деталей, да и он сам, еще совсем недавно понятия не имел о существовании Алексея и его друзей, но когда в Олове начали действовать, стража накинута именно на Антипа и Рустама. Откуда узнали? От кого?

Странно, почему их не убили. Хотели усыпить, а значит остановить, но ведь куда проще подстроить «неприятность» и убрать друзей. Подобная белиберда никак не вязалась с привычной логикой.

– Почему их не убили? – вслух возмутился Ждан, больно стискивая плечи Михаилу и Волне.

– Ты как будто этим не доволен.

– Не то говоришь! Я очень доволен, но хочу понять... Ведь остановить пытались именно их, значит, знают кто едет. Ни стража, ни палачи не обладают особой гуманностью к врагам. Надо убить – убьют. Две смерти пройдут легко.

– Мне кажется, все просто: стража хочет выяснить, куда и зачем ребята едут, – заявил Михаил, – Хотели задержать ненадолго, чтобы не смогли воспользоваться «дырой», а заодно и подсобрать информацию.

– Так, давайте подумаем, что известно страже, – богатырь обнял заговорщиков, – Очевидно, что они знают про артефакт и знают, зачем мы его разыскиваем. Также очевидно, что они не знают где он, иначе бы не оставили ребят живы-

ми. Скорее всего, им пока не известно, что это монета...

– И как долго мы сможем это скрывать? Все-таки у них гораздо больше источников информации, – качал головой Волна, – Пока они пожалели ребят, но...

– Но сейчас, когда они все-таки прорвались в «дыру», стража взбесится и уже не будет столь миролюбива, – продолжил Ждан, – Им надо скорее добраться до Паморки, а эти семафоры, чтоб их!..

– Что им делать в Паморке? Кто их там ждет? – недоумевает Михаил.

– Там, в указанном месте, должно что-то произойти. Я не знаю, что... Не в курсе кто их ждет. Это параллельная линия событий. Не мы их иницилируем, но они ведут к нашим же целям.

– Откуда ты это берешь? – почти возмущенно вскрикнул Белый, – Кто тебе сообщает? Может это враг?!

– Я точно не знаю. Кто-то помогает. Мне просто говорят и все.

– А если это ложь? Если тебя хотят подставить?

– Зачем такие сложности? Отправить меня в Ничто гораздо проще. Я верю ему...

– Кому ему?!!

– Не шуми. Я не знаю кто он. Мы видимся изредка за харчевней. Он сам меня находит. Его почти не видно – тень там, да и стоит он всегда за стволом дерева, но говорит он как...

– Ну?!! – хором выкрикнули Михаил и Волна.

– Как палач, – неохотно признался Ждан, – Поймите же вы! На его информации и советах построен весь наш план. Почему, как вы думаете, мы из миллионов почивших обратились только к Алексею? Совпадение? Ерунда! О способностях его переписываться с оловянными мы не знали, и знать не могли. Так что, лицо его понравились? Как там... «за красивые глаза»? Нет, конечно – все это палач подсказал! Если ему не доверять, то не стоит действовать в Олове. Он во многое меня посветил. Многое рассказал. Я ему верю. Другого выхода просто нет.

– Но ведь палачи свободно шныряют в Олово, – смутился Алексей, – Дела какие-то там обдeldывают. Зачем тогда понадобился я? Рустам? Антип?

– Я не знаю! – вздохнул Ждан, – Просто доверяю.

– Ух, – вытер лоб Белый, – Страшно...

– Откуда все-таки стража знает за кем следить? – вернулся богатырь к интересующей его теме.

– Может... – робко начал Волна, – Может, и они смогли прочесть мое послание на могиле?

– Точно! – почти радостно выкрикнул Ждан, но тут же осекся, – Не может... Стража из Серебра, а послание из Меди и адресовано Олову. Они в этой цепи лишние. Прочесть может кто-нибудь из Ничто – у них задача все знать, чтобы отлавливать грешников.

– Тем не менее, другого объяснения не вижу. Только буквы. Может страже из Ничто помогают?

– Теперь все может... Не знаю. Хотя, вариант с прочтением сообщения выглядит наиболее правдоподобно.

– Стойте! – резко вскрикнул Волна, – Если сообщение смогли прочесть, то и о моей причастности знают – на могиле же есть имя! Значит стража может в любой момент вломиться в дом и схватить нас.

– Да, – согласился Ждан, – На крутые меры они не пойдут – испугаются огласки, но навредить смогут. Необходимо действовать – Белый, подключай ребят!

Михаил выбежал во двор. Его задача срочно мобилизовать две сотни казаков с ближайшей Площади. Необходимо увеличить число людей, чтобы стража не расправилась с заговорщиками одним ударом. Нужно передать сигнал двум другим сотням с дальних площадей. Бойцы предупреждены и ждут команды, но, чтобы добраться сюда, требуется время.

Белый вернулся через несколько минут, и первые казаки стали заполнять двор.

– Чем отбиваться? – нервничал Волна, наблюдая, как бойцы хозяйничают в палисаднике, – Пушки-пистолеты?

– Нет, – покачал головой Ждан, – В Меди лишь одно оружие может причинить вред стражи и палачам. Это дерево!

– Просто побить их палками? Они от этого умирают? Исчезают? Перемещаются в ад?

– Не тараторь! Никто не умирает... насовсем. Удар по голове деревом – живым материалом, более древним, чем сами люди и палачи – возвращает их в свой Мир, то есть в Се-

ребро.

– И они не смогут вернуться?

– Смогут. Но каждый переход – затрата энергии, а она не безгранична. Пару раз «перелетят» между Мирами – пару дней сиди дома, восстанавливай силы.

– А мы?.. Куда отправимся мы, если... они нас...

– В Ничто. Ну, право дело, не в Серебро же нас пересылать? – попытался улыбнуться здоровяк.

– А много их? Противников?..

Стражников и палачей огромное количество. Четырем сотням казаков не выстоять против их армии, но переход из Мира в Мир, особенно принудительный, вызванный ударом дубины, посылает сигнал. Если сигналов будет много, «Олимп» заинтересуется происходящим, и либо стража не станет рисковать, увеличивая количество переходов, либо о происходящем станет известно, а этого и добиваются бунтовщики.

Один из казаков ловко забрался на дуб. Огромная ветвь срублена и брошена вниз. На земле товарищи, ловко орудуя ножами и топорами, превратили здоровенный сук в палицу. Операция повторилась, и мощные дубовые лапы стали корявым, но грозным оружием.

– Но ведь когда-то дубины кончатся? – вздохнул Волна, – Они же не вечные....

– Да, – согласился вернувшийся Михаил, – По моим расчетам продержимся не более нескольких дней боя. И то, ес-

ли еще две сотни прорвутся.

– Должно хватить! – однозначно заявил Ждан, – Ребята в Олове должны успеть. Картинка же движется с обычной скоростью? Не тормозит? Не шевелится слишком быстро?

– Вроде, обычная скорость, – Волна указал на экран.

– Значит, время у нас с ними течет сейчас одинаково. Это тоже говорил мне... ну тот... палач... Значит, это он как-то так сделал. В общем, за три дня должны успеть.

– Вам не доступна ни одна минута!

Кто вам сказал, что есть в запасе дни?

Раскатистый бас громыхнул из облака черного дыма, появившегося в проеме двери. Марево за клубилось, стало плотнее; потек резкий, кисловатый запах. Из облака появилась серебристая безволосая голова, следом расплывчатая, сливающаяся с дымом мантия, поднятая вверх двумя огромными крылами. Выглянули опасные длани, мантия опустилась, обретя привычный вид, и в комнату вошел палач! За спиной возникли несколько стражников.

– Оставьте мысли о сопротивленье.

Спокойным шагом следуйте за мной!

– Куды? – негромко поинтересовался Степан.

– Все, что положено, узрите в свое время!

– Подождите, – заговорил Белый, прижимаясь плечом к Ждану, – Если мы в чем-то виноваты – скажите в чем. Не можем же мы просто встать и пойти неизвестно куда. Нас в чем-то обвиняют?

– В неисполнении законов Мира Меди!
– А потофнее? – проговорил Степан.
– Какие именно правила мы нарушили? – подхватил Алексей, догадываясь, что друзья тянут время.
– Проследуйте за мной в приют закона, где Грозный Суд вам объяснит вину!
– А ты, типа, не знаешь? – буркнул Волна.
– Ему вменяется десяток преступлений! – из дымящегося рукава, серебристый перст указал на Алексея.
– Ему одному? Так почему должны идти все?
– Кому куда идти решаю я! – перешел на крик палач.
– Палачи перемещают свои жертвы прикосновением рук, – спокойно, словно нет никакой опасности, произнес Михаил, – Поэтому, когда сражаешься с ними, главное не дать прикоснуться к себе. Лучший способ это удар по кистям...

Дубина в руках Белого врезала по рукам палача! От неожиданности начальник стражи втянул конечности, пошатнулся и сделал шаг назад.

– И завершающий, в голову! – так же спокойно продолжал Михаил, опустив палицу на серебристую лысину.

Ни один звук не сорвался с губ палача, лишь на мгновение вспыхнуло недоумение во взгляде, и фигура тут же растаяла в воздухе, издав напоследок едва уловимый хлопок. Оставшиеся стражники отступили, но казаки, примчавшиеся со двора, быстро и легко расправились с ними.

– И все? Так просто?

– Это лишь разведка, – вздохнул Михаил, – Палач проверил, будем ли мы сопротивляться. От этого зависят их дальнейшие действия. И нашим друзьям в Олове станет только труднее...

Электровоз набрал скорость. Столбы за окном все быстрее проносились мимо, ухая испуганными совами. Непрерывная полоса фонарей горела на зеркальной поверхности рельсов, вспыхивая на стыках более яркими огоньками. Локомотив уверенно неся к поставленной цели.

Антип успокоился. Скорость уняла нервы, задержки остались позади, задача стала казаться выполнимой. Рустам, урча, потягивался в углу кабины; широко зевал.

– Темень-то какая, – пробормотал Анти-поэт.

– Так ночь, вроде.

– Который час?

– Уже четыре! То есть... снова три, получается. Блин, время-то истекло. Приготовься...

Далеко впереди, на путях возникла стена густого, черного тумана. Всполохи на рельсах, белесые фонари, зеленые огни семафоров – все потонуло в темноте, различной даже на фоне ночи. Справа, слева и в нескольких метрах от земли пространство оставалось чистым, и только на пути локомотива разверзлись врата во мглу.

Страх холодом накатил на Рустама, приковав к жесткому креслу. По спине побежали капли ледяного пота, как совсем еще недавно, на вокзале, в переходе. Лицо Антипа исказилось от досады и злобы.

– Это еще что такое? – гневно вскрикнул бандит.

– Гы, – глупо оскалился машинист.

– Что? Что он сказал? – белыми от страха губами, спросил Рустам.

– Похоже, мы не успели. А этот парень не в себе...

Глаза машиниста горели безумием. Остатки разума отхлынули, показался оскал сумасшедшей улыбки. Руки судорожно крутили реостат, и локомотив все набирал и набирал скорость. Колеса грохотали, звенели, стонали, забивая остальные звуки, и состав, а вместе с ним и люди, летели в сторону тьмы. И тьма стремилась им навстречу!

Из мглы появились фигуры: две, четыре, восемь едва различимых теней на миг задержались у страшных врат, осмотрелись и молниеносно бросились к локомотиву. Не касаясь земли, они с двух сторон подлетели к кабине и зависли снаружи. Стражники – призрачные охранники Медного Мира – выстроились вдоль электровоза, перемещаясь с той же скоростью.

Мгновение тишины... и первая пара с треском проникла внутрь! Словно не существовало металлического корпуса, словно не было преград для эфемерных воинов.

– Они ссссдесссь, – по-змеиному зашипел из-под иллюзорного клобука стражник, обращаясь к кому-то за пределами видимости.

– Сссдесссь, – подтвердил второй, на бесцветном, мерцающем подбородке которого выделялся бледно-розовый

шрам.

Короткая вспышка. Легкий треск. Антип едва успел вскочить на ноги, но Рустам по-прежнему сидел, скованный страхом. Посреди кабины появилась высокая фигура в длинной мантии – палач! В отличие от стражи, экзекутор выглядел вполне материально, только дымящиеся рукава и полы создавали пугающий, чарующий эффект.

Грохот локомотива отступил куда-то далеко, в ушах завыл сначала тихий, но нарастающий, назойливый писк, и головы друзей сковало болью. Только сумасшедший машинист продолжал свой ужасный, теперь уже беззвучный, хохот.

Склонив безволосую голову, палач с интересом осмотрел друзей. Язвительная ухмылка пробежала по серо-стальным губам, и экзекутор оголил серебристые длани. Стражники поспешили оставить кабину, скрыться от гнева могущественного хозяина. Высокая фигура приблизилась к Антипу.

– В чужой игре разменная монета.

Зачем пошли в несправедливый поход? – голос палача тихо, но отчетливо пробивался через писк, пожравший остальные звуки,

– Нельзя свершить того, что выше силы.

Рискнули? Я оплата ваша – смерть!

– Здесь, что, конкурс поэтов-неудачников? – с вызовом спросил бандит.

– Кому нужна отчаянная смелость,

когда нет шансов выжить у тебя? — улыбнулся серебристый, —

Что мне покажешь, кроме разговоров?

Что мне предъявишь против моих сил?

— Может быть, это? — бандит выхватил пистолет, но палач лишь взмахнул рукой, и оружие отлетело в сторону.

Антип схватил пивной ящик. Короткий замах и пластиковая тара устремилась в серебристую лысину. Не достигнув головы, встретив незримую преграду, ящик с треском рассыпался на тысячи осколков. Острой шрапнелью они разлетелись по кабине, проносясь в миллиметре от Анти-поэта. Рустам успел закрыть лицо руками, защищая глаза, а безумный машинист поймал щекой один из обломков. На лобовое стекло брызнула струйка крови, но это лишь добавило веселости несчастному человеку.

Невредимый палач передернул плечами.

— Ты смел, но глуп. Проходит твое время.

Серебристые руки потянулись к Антипу. Лишь короткий шаг отделял экзекутора от жертвы; бандит пытался отступить дальше, но тесная кабина остановила металлом стен. Рустам осмотрелся по сторонам в поисках оружия, но пистолет слишком далеко. Да, и есть ли он него толк? Страх парализовал, и когда парень почти смирился с неминуемой гибелью, что-то глубоко внутри завопило о надобности действий, о необходимости помочь другу. Что-то или кто-то придал ему сил, что-то или кто-то прокричал в голове: умереть все-

гда успеешь, почему бы не попробовать?

Рустам заметил электрошокер на поясе машиниста. Он рывком выхватил прибор и прыгнул в сторону палача, вонзая электроды в серую спину! Электричество синими змеями ударило в мантию, расплзаясь и покрывая высокую фигуру венами жутких всполохов. Вопль чудовищной боли ударил по ушам и волной пронесся по локомотиву. Стекла брызнули мелкой крошкой, уносясь в темноту ночи.

Экзекутора обволокло черным дымом, и, застыв на мгновение, палач исчез, схлопнулся в таящем облаке.

– Убить их всех! До встречи в Мире Меди! – донеслось откуда-то издали, и остатки дыма рассеялись.

Крик экзекутора смолк, и вернулся оглушающий грохот локомотива. Безумный хохот машиниста трещал пересохшим горлом. Ветер разносил по кабине какие-то бумаги и обрывки тряпок. Рустам трясся и озирался по сторонам, по-прежнему сжимая в руках шокер.

Палач исчез, но еще остались призраки-стражники: они выстроились на путях, не пытаясь проникнуть в кабину. Полукруг стражи расплзся перед завесой марева, перед створом ужасных ворот, к которым с ошеломительной скоростью приближался локомотив.

– Что они...

Договорить Антип не успел. Рустам неожиданно прыгнул на приятеля, больно ударив в лицо. «Рехнулся!» – только и успел подумать бандит, снова ощущая кулак приятеля. Еще

удар. Резкая боль, и реальность размылась потерей сознания.

Электровоз на полной скорости врезался в стену мрака! С чудовищным скрипом металл распадался на части, превращался в прах, смешиваясь с маревом и растворяясь внутри него. Локомотив и все, что находилось внутри, слились с тьмой и исчезли вместе с ней, послав напоследок печальный гудок и отчаянный человеческий крик. Врата исчезли. На путях не осталось следов крушения...

– Что происходит? – Ждан схватил Михаила за руку.

– Дом окружен, – доложил запыхавшийся Белый, – Стража стоит по периметру, но на территорию не входит. Палачей не видно. Ребята вооружены и готовы к бою...

– Когда подойдут остальные?

– Должны скоро быть, но как им прорваться к нам – пока не знаю. Стража перекрыла все проходы. На Площади объявили, что мы предатели и восстали против законной власти. «Против Добра и Справедливости!»

– ПРОТОЗАНЩИКИ БЛЯДЕЮТ!² – гневно прорычал Ждан, отрываясь от Михаила.

– Что? – поднял глаза Белый.

– Врут стражники! – богатырь снова прикоснулся к другу.

– БЕДА! – внезапно закричал Волны, – Все сюда, срочно! Заговорщики подбежали к экрану. Телевизор блестел включенным экраном, но картинка передавала лишь небо раннего утра с редкими перьями облаков. Алексей сбивчиво поведал, что на локомотив напали тени. Рустам победил палача, но потом электровоз влетел во тьму перехода, рассыпавшись, растворившись. План провалился. Стража выиграла! Враг оказался сильнее.

– Вот и все, – обреченно вздохнул Макс, закрывая лицо

² Стражники врут (старорусс.)

руками.

– Вот и все, – печально подтвердил Михаил, – Надо, пока не поздно, распускать казаков.

– Как же так... – Ждан больно стиснул плечо Волны.

– А вот так! – вскочил на ноги Алексей, – Это вы виноваты! Они погибли из-за вас! Разве могут двое противостоять армии стражников? Они простые люди. Как могла прийти в голову такая дикость?!!

– Тихо, – богатырь отловил бегающего Волну за руку, – Не шуми...

– Раз они погибли, то они... – начал фразу Белый.

– То они здесь! – закончил за него Ждан, – Попав в Медь, они окажутся в руках палачей. Их моментально переместят в Ничто!

– Что?!! – гнев еще более закипал в груди Волны, – И тут...

– Да, – отрезал здоровяк, – Есть лишь один способ.

Ждан напомнил, что сначала почившие оказываются в Предбаннике. Там их должен встретить гид и проводить до Дома, и только потом придет стража и отведет на эшафот. Необходимо перехватить ребят, и привести к Волне. Дальше будут думать и решать, что предпринять, но сначала надо спасти от расправы. Ближайшее Преддверие для этой цели не подходит – надо добраться до того, куда попадают из Поморки. Это не так далеко и есть возможность успеть.

– Макс, ты должен проникнуть в Предбанник! – однознач-

но заявил Ждан.

– Я? – сжался от страха гид, – Ты рехнулся? Кто меня туда пустит?

– Та, которая распределяет вам работу.

– Она? Нет, нет, нет! Даже не думай, я не пойду туда. Я... я ее ненавижу и боюсь!

– Включили страх и ненависть? – удивился богатырь, и продолжил, – Ты должен! Если не сможешь – их казнят! Иди к ней.

– Да о ком вы? – не понял Волна.

– О его бывшей, – грустно улыбнулся Ждан, изобразив пальцами рожки у головы Макса.

– Прекрати! – гневно вскрикнул гид, – Как я прорвусь? Там полно стражи.

– Не только стража Площадь окружает,
еще есть пара сотен казаков,
желающих явиться к вам на помощь.

Но не пройти им палачей заслон! – раздался громкий бас из черного облака, внезапно возникшего в дверном проеме.

– Опять ты! – вскрикнул Михаил, и палач, полностью материализовавшись, вошел в комнату.

– Постойте, разве так встречают гостя?

Пришел поговорить я о делах...

Договорить палач не успел. Огромная палица Ждана, со свистом разрывая воздух, приземлилась на серебристый затылок. Лысый вздрогнул, глаза закатились, силуэт с треском

растаял в воздухе.

– Он, что, один приходил? – оглянулся Волна.

– Странно... – прошептал Михаил, – Может, надо было выслушать?

– Зачем тогда ты орал? – пробурчал богатырь.

– Не знаю...

Главное, удалось узнать, что казаки пришли на Площадь. Необходимо сделать вылазку. Стража побоится вступать в открытый бой и, возможно, удастся протащить две сотни к Дому Волны. Под шумок и Макс обделает свои гидовские делишки.

...Алексея оставили следить за экраном. Десяток крепких вояк с ним, в качестве охраны, остальные устремились к задней калитке. Преграду запотевшего стекла преодолели без происшествий, спокойно добрались до калитки.

Проблемы начались сразу за забором: ряды черных кафтанов с надвинутыми клобуками стояли, сцепившись руками. Противные свистящие звуки вырывались из-под капюшонов, словно предупреждая, уговаривая отступить. Палачей было не видно, но цепь охранников казалась неодолимой.

– Если они боятся выхлопа энергии, – вслух произнес Михаил, – а нам, именно этого и надо, давайте их бить?

– Мне по нраву такое предложение, – ухмыльнулся Ждан, берясь обоими руками за палицу, – ТЛИТИ ДРУЖИНУ СУПОСТАТА!³

³ Бей отряд (дружину) врага (старорусс.)

– Тлити, так тлити! – громко захохотал Белый, поднимая дубину.

Ждан и Михаил первыми выскочили за калитку. Казаки бросились следом, на ходу замахиваясь дубьем. Палица здоровяка упала на клобук ближнего стражника, и тот исчез, коротко свистнув на прощание.

Стоящие рядом тени растаяли, не дожидаясь удара. Казаки успели только замахнуться, но палицы, разрезав воздух, ударили в пустоту. Черные капюшоны возникали в другом месте, но и там, застигнутые дубьем, ретировались, освобождая проход. Отряд, колыхаясь палицами, легко продвигался вперед. Нерадивый стражник попался на пути Ждана, здоровяк замахнулся, но несколько казачьих дубин уже опустились на темный клобук. Богатырь благодарно улыбнулся, и колонна продолжила шествие.

– Слишком просто, – бубнил себе под нос Михаил.

На Площади потеха. Подоспевшие с дальних площадей казаки гудели увесистыми палицами. Стражники не позволяли ударить себя, исчезая. Появлялись в новом месте, но несколько дубин устремлялись к ним, вынуждая отступить. Казаки, устроив веселую охоту, смеялись в полный голос. Сражение переросло в аттракцион по ловле стражи – некоторые не успевали увернуться, и тогда мощные палицы падали на их головы, вызывая бурную радость атакующих.

– Макс, вперед! – великан схватил за локоть гида, подталкивая в сторону низкого здания.

Гид, пригибаясь от страха, нашептывая под нос неразличимые ругательства, добрался до нужного дома. Деревянная дверца скрипнула, и толстяк исчез в темном, низком проеме.

– Это не драка, а ерунда какая-то! – перекрикивая «биту», заявил Михаил.

– Это тофьно! Ефунда! – поддакнул Степан.

В пылу веселия возник палач. Дымящаяся фигура появилась за спиной Степана, и оголенные руки безжалостно опустились на стариковскую голову, превращая несчастного в пыль. Через мгновение от Степана не осталось и следа, и только громкий крик боли еще висел над Площадью.

– Стеееепа! – закричал Ждан, прорываясь к обидчику.

Михаил первым оказался на месте. Дубина сходу опустилась на вытянутые руки, следом палица Ждана врезалась в серебристый лоб, отправляя экзекутора восвояси.

– Степа, – рыдал здоровяк, размахивая дубиной, – Стеееепа!

– Тихо, Ждан, тихо, – прижавшись спиной к богатырю, произнес Михаил, – Его уже не вернуть...

– Да, что тут вообще происходит? – всхлипнул здоровяк, сжимая руку Белого, – Разве это драка?

– Нет. Больше похоже на отвлечение внимания от...

– ОТ ДОМА!!! – догадался Ждан.

– Всем отходить! – на всю площадь выкрикнул приказ Михаил, – Назад, к дому!

Алексей внимательно следил за экраном. Ничего нового, только серые облака переродились в мутные тучи, подсвеченные робким, осенним утром. «Плыли по небу тучки...» – вспомнился Волне Маяковский – «Тучек четыре штучки...». Черные клубы, предвещающие дождь, перекачивались, кипели. Редкие лоскутки неба, блеснув на мгновение лазурью, зашивались тяжелым войлоком ливневых облаков. Никаких других движений, никаких иных ракурсов, словно камера упала на землю, застыв объективом вверх.

Волна грустил. Если и удастся перехватить Рустама и Ан-типа в Предбаннике, если получится провести в Дом... Что дальше? Сколько казаки смогут удерживать оборону? Пару дней. А потом?

Почему-то вспомнилась блондинка с Площади. Уже который раз, оставаясь наедине с собой, Волна поневоле представлял себе девушку. Что-то в ней было такое простое, но вместе с тем притягательное, что не давало забыть красотку. Та искусственная любовь, против которой, в числе прочего, сражаются сейчас его новые приятели, тут явно не у дел – блондинки нет рядом. Он не видел ее с тех пор, но фантазия вновь и вновь рисовала приятный, загорелый образ. Алексей не рассказывал друзьям о девушке. Зачем? До того ли сейчас? Нет уж, пусть остается приятным воспоминанием. Кра-

сивой, несбыточной мечтой.

Входную дверь затянуло легким туманом. Туман превратился в дым. Дым в непроницаемую мглу. Родился силуэт палача. Сверкая серебром, он вытянул руки, готовясь отразить нападение. Казаки закрыли Волну – их дубины легко взлетели к плечам, прицеливаясь для точного удара.

– Стойте! – громко выкрикнул Алексей, – Давайте послушаем...

Служивые подчинились, но не разошлись, готовые в любой момент обрушиться на врага.

– Ох, неужели в этом мире бреда,

Еще есть те, кто рассуждать готов? – хрипло отозвался палач, с легкой ухмылкой, —

Спасибо, что напряг остатки мозга.

Спасибо, что не выгнал за порог.

– Чего тебе? – нахмурился Волна.

– От вас чрезмерно многого не надо, немало сам я предложу взамен! – продолжил улыбаться палач.

– Издеваешься?

– Ну, раз уж ты такой серьезный, давай начнем тяжелый разговор...

– Со мной?

– С тобою, в том числе, но прежде, с вашим Жданом!

– Здоровяка нет. Он...

– Я знаю, где он! Будь же поумнее! – рывкнул лысый, —

Он не дурак и разобрался вмиг,
что Площадь видит цирк, а не сражение,
и значит, очень скоро будет здесь!

— Вот и заходи позже... — чтобы не молчать, Волна выдавил первую подвернувшуюся глупость.

— Я что железный?! Или многожильный? — вздохнул палач, —

Два раза за день «бегал» в Серебро!

Остаток сил не больше когтя белки...

— И что, чаю тебе предложить? — съязвил Алексей.

— Да нет ни чая у тебя, ни кофе!

Нет ничего, что предлагать бы мог...

— АНО ДРУЖИНА ЯРАЯ! — в дверь влетел запыхавшийся Ждан, размахивая огромным дубьем.

— Что?! — присел от неожиданности Алексей.

— Он говорит, что есть за то дружина, — с улыбкой перевел экзекутор, —

Всегда готовая слегка меня помять.

— Понимаешь его?

— Раз я сказал, то понимаю значит.

У каждого есть способы свои.

Хотите, прикоснусь я, что привычней,
но вряд ли вам понравится эффект!

— А почему так говоришь странно? Какими-то недостихами?

— Ты понимаешь сказанное мною?

– Типа того.

– Тогда, позволь решать мне самому, каким макарон строить свои фразы!

– Да, пожалуйста!.. Хоть Макаром, хоть Афанасием... Чего хотел от Ждана? Вот он, пришел!

– Могу я многое, но точно не умею
Единоновременно вещать в два языка!

Сцепите руки, как для вас привычно,
тогда и я смогу начать рассказ.

Не думаю, что опасаться стоит,
когда в охране сотни казаков.

И знайте, что не я намерен,
к вам приходил, чтобы арестовать...

Волна, опустив руку на плечо недоумевающего богатыря, шепотом пригласил к столу. Ждан с сомнением огляделся, но грозный вид казаков успокоил – тяжело отдуваясь, здоровяк плюхнулся рядом с Волной.

– Вы, что, палачи, все на одно лицо? – раздраженно пропыхтел Ждан.

– Для вас, возможно, разницы и нет, но...

– Говори уже, – отмахнулся богатырь.

Палач знал, что бунтовщики хотят связаться с «Олимпом» или хотя бы с Наместником Меди. Он совсем не рад устроенному бунту, считает его преждевременным, но что делать – восстание уже свершилось. Облокотившись на массивный шкаф, серебристый рассказал о нескольких своих

коллегах-палачах, способных видеть ложь, творящуюся в этом Мире. Они называют себя Истинными, так как знают реальную картину: искусственную любовь, перерождение дезертиров в стражников, отсутствие перемещений в другие Миры, кроме Большого Ничто.

Выйти на Наместника самостоятельно Истинные не смогли. Наместник пропал. Исчез много времени назад, оставив вместо себя коварного заместителя. Этот заместитель – узурпатор. Тот, кто, подмяв Мир, сконцентрировал власть в своих руках. Тот, кто, прикрываясь показным счастьем, творит в Меди темные дела. Тот, кто использует ситуацию для создания и увеличения своего мерзкого Мира.

– И кто же управляет Медью? – нахмурился Ждан, – Кто этот «коварный заместитель»?

– Всем управляет в Меди Савриил...

Такая же и в Серебре картина, – тяжело вздохнул Палач.

– САВРИИЛ?!! – великан подпрыгнул от неожиданности, но тут же уселся на место, – БЫВШИЙ НАМЕСТНИК ОЛОВА?!! ОТЩЕПЕНЕЦ?!! ПРЕДАТЕЛЬ?!!

– Ты прав в своих критичных описаньях, – ответ прозвучал тихо, но уверенно, —

Он заперт был, но ослабел надзор.

Раскаяньем, прикрывшись от «Олимпа»,

трудился он как настоящий раб!

Творил добро, как истинный служитель.

За что «Олимп» смягчил ему режим...

Он начал тихо появляться в Меди,
раздаривая добрые дела.

Вошел в доверие к Наместнику – советы,
давал, как лучше обустроить Мир.

Сдружились. Стали ближе братьев.

Потом поднялся выше – в Серебро,
где повторилась в точности картина.

Стал заместителем Наместников двоих.

Помощником, когда они в отлучке...

Со временем, любая наша связь,
осуществлялась через Савриила —

Вся информация проходит чрез него.

Наместники не отвечают прямо —
решения передает нам он.

Где есть Наместники – нам точно неизвестно.

Как их искать – не можем мы понять...

– А кто этот Савриил? – Волна перевел взгляд на Ждана.

– Рассказывал же, – ответил тот, – Бывший Наместник в

Оловянном Мире, устроил хаос, смещен.

– А теперь...

– А теперь, – перебил здоровяк, обращаясь к палачу, –

Расскажи, с чего мы должны тебе верить?

– Вы не должны, но можете поверить.

Вы не обязаны, но можете понять.

Любое недоверие логично,

но Истинные могут вам помочь!

Истинных немного. Они слабы. Основная масса палачей перешли на сторону Савриила: кого-то держит страх, кто-то выполняет приказ. Стража полностью заменена – армию сбили из предателей-дезертиров, что из страха попадания в Ничто верно служат захватчику.

– Мы знаем главное свое предназначение — защита Справедливости в Мирах! – гордо закончил Истинный.

– Справедливость – это когда хватают и казнят на площади? – криво усмехнулся Волна.

– Когда за действие неминуема расплата! – поправил палач.

– Так, что ты хочешь от нас? – по-прежнему не доверял гостю Ждан.

– Мы знаем ваши истинные цели:
вернуть Добро и Справедливость в Меди Мир.

Мы то же этого желаем и поможем,
найти монету... если суждено.

Мы протозанщики первоначальных истин,
тех правд, что извращает Савриил!

– Еще одни... протозанщики... Где выискали это слово-то? – пожимает плечами Волна.

– И мы протозанщики! – гордо заявил Михаил, – Раз мы рискуем всем, защищая истину – мы протозанщики!

– Мы так давно называли наши силы.

И здесь, и в Олове, и даже в Серебре.

А раз вы с нами, раз теперь мы вместе,

вы протозанщики – другого не дано.

– Про Златник, значит, в курсе, – недовольно пробурчал здоровяк.

Про монету князя Владимира знали только Истинные. Ведали, что она нужна бунтовщикам, но точное место и им не известно. Есть догадки, предположения, не более. Палач предложил не раскрывать ему всей информации, чтобы избежать лишних подозрений, но было ясно, что его осведомленность все же выше, чем у бунтовщиков.

Савриил пока не в курсе всего происходящего, а желание выяснить детали не дало ему убить друзей на вокзале. Но враги откуда-то получают информацию! С каждой минутой, палачи знают все больше и больше о целях протозанщиков, и теперь, когда Рустам и Антип прорвались во временную дыру, Савриил разозлился. Он готов разорвать всех и вся, но не допустить даже малейшего шанса на успех заговорщиков. Он готов остаться в неведении об их планах, и одним ударом покончить с бунтом.

– Все это уже не важно, – тяжело вздохнул Ждан, – Степку убили! Ребята из Олова...

– ЖИВЫ! – громко перебил Макс, вбегая в комнату, – Нет их в Предбаннике! Только этот.

Гид протолкнул вперед испуганного машиниста. Безумие, насланное палачем, сменилось полным непониманием. Где он? Кто эти люди? Люди ли они?.. Испуганный мужичок жался к стене, трусливо обводя взглядом собравшихся. Ис-

тинный медленно подошел к страдальцу и опустил серебряные ладони на голову. Машинист глубоко вздохнул, глаза плавно закрылись, успокоение румянцем разлилось по лицу.

– Не только убивают наши руки,
но также исцеляют хорошо...

...Итак, вы заблуждались понапрасну
ища друзей в Преддверии Миров.

Они сейчас в лесу, возле дороги,
но хрупко оловянных бытие:
тела поломаны от сильного паденья,
истерзаны, испуганы они...

– Чего же ты раньше молчал?! – гневно вскрикнул Волна.

– Считал, что связь имеете с друзьями,
что видите, что знаете про них, – недоумевал Истинный.

– Нет связи. Видимо, фото выпало... – Алексей указал на экран, – Так, что ты предлагаешь?

План Истинного прост. Чтобы палачи перестали чувствовать путников, им необходимо сменить имена: заново провести обряд крещения – таинства присвоения имени, мистический ритуал записи о человеке в Скрижалях Миров. Тогда старая информация исчезнет, а новую палачи знать не будут. Истинный, как представитель Серебра, имеет право на проведение любых религиозных обрядов. Он сам собирается проникнуть в Олово и «спрятать» Рустама с Антипом – Савриил, не подозревая о существовании Истинных, отправил в Олово отряд стражи под руководством присутствующего

щего палача.

– Не трудно будет обмануть нам стражу —
отправлю их в другую сторонú! — закончил рассказ Истин-
ный.

– Почему мы должны тебе доверять, — настырно бубнил
Ждан, оглядывая гостя с неприязнью.

– Ты, милый воин, мне давно доверил!

Ведь это я к тебе являлся там,

где тень харчевню прячет от народа.

И это я открыл тебе глаза...

Мы многое поведали друг другу,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.